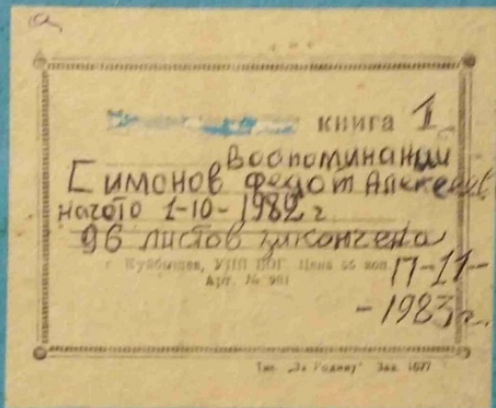

Федот Симонов

ГУБЕРНСКИЕ БЕГА

...воспоминания
о том, чего никогда не было

Федот Симонов

Губернские бега. Сон русского человека

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42831820
ISBN 9785449683908*

Аннотация

В романе «Губернские бега» писатель-фронтовик Федот Симонов представляет себе, как бы жил его прадед Матвей, которого он никогда не видел. Главные герои книги – крепостные крестьяне, помещики, солдаты. На самом деле, предки Симоновых – казаки, дворяне-одиндворцы «Дикого Поля» Новосильского уезда, известного с допетровских времен. Но автор вводит читателя в захватывающий сюжет и уже не понятно, правда это или вымысел.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ

6

Конец ознакомительного фрагмента.

98

Губернские бега Сон русского человека

Федот Симонов

Редактор Валентина Осовская

Корректор Анна Силенко

Дизайнер обложки Максим Осовский

Фотографии Семейный архив Симоновых, Козловых,
Осовских

© Федот Симонов, 2019

© Максим Осовский, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-8390-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Федот Симонов (1917—1989)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Нашей действительностью, бытом, рассуждениями, – словом всем тем, что называется реальностью, управляют внешние обстоятельства. Власть, деньги, политика, семья, – каждый из нас без труда припомнит любую причину, под влиянием которой он совершает тот или иной поступок. И лишь во сне человек начинает быть самим собой. Сон – единственное, что принадлежит человеку.

Философы считали, что сон – это маленькая смерть и лишь Фрейд обнаружил, что наши фантазии и мечты могут проявляться во снах. «Фантазия, как и каждое создание психики, как-то: сон, видение, бред – должно иметь какое-нибудь значение», – писал он в книге «Психоанализ. Леонардо да Винчи».

Все мы хотим быть красивыми, богатыми, здоровыми. Воплощение всех этих желаний мы каждодневно видим и слышим.

Сон – это реализация ваших фантазий, вашей мечты. Не чужой, позаимствованной из видеоролика, а личной, индивидуальной.

Именно под таким ракурсом можно рассматривать роман Федота Симонова «Губернские бега».

О чем она рассказывает? О жизни крестьян Тульской губернии в начале 19-го века? О любви властной помещицы

к батраку-бедняку, подавшемуся на службу в армии длиной в 25 лет? Вдумаемся – целых 25 лет жизни. При том, что средняя продолжительность тогда в России составляла 50—55 лет.

Эта книга – сон русского человека об идеальной жизни, в которой добро всегда побеждает зло, а счастье всегда оказывается не за горами. Это счастье можно потрогать руками, *представить* его. Выдумать. И окунуться в фантазию писателя, жизнь которого вряд ли баловала успехами и удачами. Помечтать вместе с автором, каким бы могла быть Россия без рабства. И ощутить, что русская история и свобода – несовместимы.

Вячеслав Шептуха, культуролог

Майвее
Данила - сын - Иван Николаевич Филев.
Май - Троица - (список)
Май - Семин (список)
Угров - Никон Иванович
Жанки - Тель Шура
Лавов - Дар - Вай.
Майорх - Печань
Майорх - Печань - (список)
Майорх - Печань - (список)

Настоящая Рукотисе
принадлежит Саломову Федоту
Алексеевичу. Передается по
наследству, без всякого выкупа.
Ор. А. А. А.

Вот уже и наступили теплые весенние дни. Вся бедняцкая голытьба тульских крепостных ребятишек стала выле-

зять из своих конур, чтобы погреть на солнце свое изможденное от худобы тело. С восходом солнца крепостной парень Матвей, который и сам не знал, сколько ему лет, только предполагал, что лет 20 уже будет, подметал барский двор. Черные, густые и длинные волосы, закинутые пятерней руки, поблескивали на солнце, только непослушный толстый пучок извилистых волос чуть-чуть опускался на лоб, придавая тонкому смуглому лицу, черным векам и широким бровям еще большую красоту. Зеленоватые с черными зрачками глаза смотрели открыто. Припухшие губы всегда были сжаты, а на щеках маленькие ямочки придавали лицу как будто улыбку. Матвей среднего роста, с широкими плечами, прямой стан с сильными ногами, которые крепко стояли на земле, что, казалось, никто не сможет отодрать их от земли. Сильные, мускулистые, жилистые руки так легко кидали метлу, то в одну, то в другую сторону, будто это не метла, а гусиное перо, выдернутое из крыла. Длинная, залатанная, самотканая рубашка, подпоясанная веревочкой от распущенных старых вожжей, спускалась до колен. Обут в веревочные лапти, сплетенные им самим из тех же веревочек от старых вожжей, какой он был опоясан. Икры ног обмотаны портянками, укреплены такой же веревочкой.

В это весеннее, теплое, раннее утро барская шестнадцатилетняя дочь уже не спала. Потягиваясь спросонья на большой мягкой перине, укрытая одеялом из гусиного пуха.

Темно-русые волосы длинные, густые волосы распусти-

лись по всей большущей подушке. Дашенька, как ни старалась зажмурить свои серые глаза, они как нарочно сами открывались. А мысли ей так и подсказывает:

– Матвей-то уже давно двор метет, иди к окну посмотри.

Как Даша не вертелась на мягкой перине, а из головы Матвей так и не уходит.

– Господи, – сказала она, – помоги мне уснуть.

И глянула в угол своей спальни, где стояла икона с образом Иисуса Христа, который поднял два пальца своей руки вверх, и как будто сказал ей:

– Нет, Дашенька, ты не уснешь, а сейчас встанешь и подойдешь к окну, будешь смотреть на Матвея, и этим ты будешь наслаждаться.

Даша, как ужаленная, соскочила с постели, подошла поближе к образу Иисуса Христа, упав на колени, стала молиться, прося пощады:

– Спаси меня, Господи.

Но Иисус Христос был неумолим. Он как будто смеялся над ней и говорил:

– Иди к окну, твой крепостной Матвей уже работает, а ты, дармоед, просишь у меня спасение.

Даша побледнела, встала на ноги.

– Что со мной делается? – вслух спросила саму себя, еще раз перекрестилась перед иконой, повернулась и пошла к окну, из которого видно, как Матвей метет двор. Потом быстро подошла к окну и увидела Матвея. Даша остановилась,

на душе сразу потеплело, появилась какая-то радость, как будто она не видела его целую вечность. Потом появилась у нее мысль, и она вслух сама с собой заговорила:

– А что, папеньки дома нет, он в Москве, позову старшую хозяйку по дому и прикажу найти какие-нибудь бросовые папины сапоги, шаровары, рубашку. Сапоги почистить, а одежду помыть, погладить и одеть Матвея. А что, если эта старшая по дому дрянью окажется и скажет маменьке? – Немного подумала и опять вслух сказала. – Маменьке я скажу так: управляющий у нас уже старик, а Матвейка умный, работающий парень, а грамоте я его научу. Маменька моя добрая, умная.

Только проговорила эти слова, сзади чьи-то руки коснулись ее плеча. Даша вздрогнула, побледнела, быстро повернулась, перед нею стояла мать. Даша бледная в лице смотрела прямо в лицо матери, потом все ее тело задрожало, и слезы покатались из глаз. Увидев в лице матери ласку и доброту, Даша упала на грудь матери и громко зарыдала, говоря дребезжащим голосом:

– Маменька, – спросила она, – ты все слышала?

– Слышала, слышала, моя милая. Время твое подошло, доченька, так говорить, – гладя свою дочь ладонью по спине. – Я сама, доченька, сделаю, как ты хочешь, успокойся милая.

Даша радостная стала целовать мать в губы, щеки.

– Ну, ладно, иди, умойся, – сказала мать.

Мать и дочь, сидя за столом, завтракали молча. Даше кушать не хотелось, она лениво допила чашку чая и тихо виновато проговорила:

– Маменька, ты прости меня, я кушать не хочу, позволь пойти мне к себе в комнату, а то что-то голова болит.

– Пойди, пойди, – сказала ласково мать, – не беспокойся, как ты просила, я сейчас же прикажу все это сделать.

– Спасибо, маменька, – сказала Даша и пошла. Даша быстрым шагом вошла решительно в свою комнату, подошла к окну, во дворе она Матвея не увидела.

– Ну вот, – сказала она, – теперь я его больше до самого утра не увижу.

Даша многое уже передумала, что Матвея крепостного в дом зятем не возьмут:

– А вот, если папенька узнает, что я тайно люблю Матвея, который и думать об этом не смеет, то он его загонит туда, где Макар овец не пас.

В это время к Даше в комнату вошла мать и нарочито, заворя дверь, пристукнула, чтобы услышала Даша ее приход. Даша даже не повернулась, смотрела в окно. Мать прошла в комнату, подошла к мягкому креслу и села в него, второе кресло подтянула поближе к себе и сказала:

– Доченька, иди, сядь, нам надо поговорить.

Даша повернулась лицом к матери и стала строго, испуганно смотреть в лицо матери, подошла к креслу и тяжело опустилась в него.

Мать начала было говорить:

– Доченька, ты-ты-ты, – мать, спотыкаясь на «ты», никак следующее слово не может сказать. Потом кое-как грустно и боязливо прошептала, – Ты представляешь, если..., – и мать опять замолчала.

– Да, – твердо и уверенно сказала Даша. – Представляю себе, если узнает папенька.

– Да-да, – поторопилась сказать мать.

– Маменька, ты добрая, даже наши крепостные об этом говорят, скажи мне, только правду.

Мать испуганно вытаращила глаза на дочь.

– Не бойся, маменька, я не хочу тебя обидеть. Скажи, маменька, почему наш папенька, как я помню, домой приезжал два раза в год и то ненадолго, а то все время живет в Москве, а мы здесь?

– Что ты, что ты, – взмолилась мать, – можно ли так говорить на родного отца, он ведь там работает, он наш кормилец.

– Кормилец, говоришь, – громко и уверенно сказала дочь. – Наши кормильцы вон, – указала рукой на окно, – крепостные, они с зари до зари, не разгибая спин, работают, а во что он их одевает, этот наш кормилец, а за что он порет бичом мужиков своих крепостных? – Даша еще громче заговорила. – Да, хорошо, что его крепостные русские люди, на них шкура прочная, толстая, дюжий народ, а то давно у всех крепостных развалились бы кости. Не знаю тогда наш

кормилец, чем бы стал нас с тобой кормить. Наверно бы, он и не приехал бы к нам.

Испуганная мать такими словами, услышанными от дочери впервые, дрожащей рукой стала молиться, приговаривая:

– Доченька, что с тобой?

Осмелев Даша и увидев испуганную мать, еще увереннее заговорила:

– Маменька, мне уже идет 17 год, – она это сказала так, как будто ей идет 30 год. – Я все, маменька, знаю и все понимаю. Ты у отца тоже крепостная, только я была все для тебя маленькая и ты мне об этом не говорила, боялась мне говорить об этом. Да, я его дочь, но дочь от крепостной, а то почему он не дал мне образование? Нанял учителя, – с усмешкой сказала Даша, – научил меня читать, писать, да еще научил арифметике, всем четырем действиям, а теперь говорит: «Ты у меня образованная».

Даша, видя сгорбившуюся мать, у которой все тело тряслось от плача, встала с кресла, подойдя к креслу, где сидела мать, чуть подвинув ее ноги, присела на кромочку, и, обняв двумя руками, туго прижав мать к себе, заговорила:

– Маменька, прости меня, но это должно было случиться не сегодня, так завтра или через год, два. Нам теперь будет легче, мы объяснились, что мы обе знаем, кто мы.

Мать посмотрела на Дашу и сказала дрожащим тихим голосом:

– Да, это хорошо, что мы объяснились. Только вот что,

доченька, пока отец не подписал это имение тебе, все должно быть так, как было, и не дай Бог, если эти слова он услышит от тебя, хорошо, если сгоряча не убьет, а то навечно тебя рабой сделает.

– Успокойся, маменька, ведь я его дочь, что-то все-таки подлого есть у меня от папеньки, – Даша эти слова сказала так, как будто артист готовится сказать на сцене.

Мать подозрительно посмотрела на дочь:

– Ну ладно, я пойду.

Мать ушла. Даша подошла к окну. Даша стояла у окна грустная, подавленная, мысль не давала покоя только что произошедшая. Подняв взгляд вверх, посмотрела на небо. Ничего не увидев на небе, подумала:

– А день должен быть теплый, даже облачка нет.

Вдруг вспомнила, как с матерью зимой ездили в Тулу, как портниха мерила ее тряпочным метром, чтобы сшить ей одежду для езды на лошадях верхом. Потом еще раз ездили, как примеряла она уже сшитый костюм. Как заехали в магазин, купили лакированные сапоги с козырьками. Даша улыбнулась, про себя сказала:

– Эх, сейчас я наряжусь.

Она почти бегом зашла в свою гардеробную, быстро разделась, нашла костюм и начала одеваться. Одевшись в костюм, вошла в свою комнату, подошла к зеркалу и в нем увидела совсем молодого паренька, и уж очень похожего на нее, она радостно засмеялась, потом стала в позу кавалериста

и подумала:

– Вот бы еще черные усы. Ну, тогда бы, держись девки.

Даша быстрым шагом вошла в комнату отца, увидев висевшую отцовскую плетъ на стене, сняла ее и надела на руку. Подойдя к двери комнаты матери, громко черенком плети постучала в дверь. Постояв несколько секунд, услышала дрожащий голос матери:

– В-в-войдите.

Даша громко отворила дверь, пришлепывая с силой ноги о пол, не затворив за собой дверь, остановилась, приложив руку под шляпу к виску, закричала, что было силы:

– Здравия желаю госпожа!

Мать при входе Даши оторопела, смотря изумленно на нее, а потом громко засмеялась. Даша, серьезная в лице, шлепнув черенком плети по лакированному голенищу сапога, искажая свой голос на мужской:

– Позвольте, барыня, справится о вашем здоровье.

Не выговорив от смеха слово «здоровье», еще больше стала хохотать. Подбежала к матери, стала ее обнимать. Мать и дочь насмеялись досыта. Даша стала по стойке «смирно» и серьезно спросила:

– Ну как, маменька, я выгляжу?

– Хотя я и мать тебе, а скажу правду. Любой молодой человек не сможет устоять перед твоей красотой. Я рада за тебя, что ты такая. Успех в жизни должен быть у тебя.

– Спасибо, маменька, а теперь я пойду.

Даша вышла из дома, на крыльце остановилась, левую ногу выставив вперед, а правую руку, на которой висела плеть, поставила на бедро, подняв подбородок кверху, стала осматривать свой двор, как будто никогда не видела. Увидела Семена-конюха у дверей барской конюшни. Семен-конюх переминался с ноги на ногу, а потом быстро, как мышь, нырнул в дверь конюшни. Даша улыбнулась, подумала:

– Не угадал меня Семен.

А Семен в это время подумал:

– Вот беда, какой-то новый барин приехал, нет, от греха подальше.

И вбежал в свое «логово» (в комнатку, где живет с Матвеем). Комнатка была сделана прямо в конюшне. Даше понравилось начатое ею озорство, решила продолжить. Она подошла к двери конюшни, изменив голос на мужской, закричала:

– Тут кто есть!?

Никто не отвечал, она отворила дверь конюшни, вошла в конюшню, увидела из пяти боярских лошадей выездных стоят только четыре, арабского серого в яблоках жеребца нет. Подумала:

– Наверное, Матвей уехал на разминку его, а то застоялся. Она еще громче заорала:

– Кто тут есть!?

Никто не отзывался. Тогда она подошла к двери комнатки и черенком плети громко постучала. Перепуганный

Семен, еле слышно, заикаясь:

– Я-я, се-й-ча-с.

Даша с шумом отворила дверь и вошла в их жилище. Семен согнул спину, опустил голову так низко, что осталась наверху одна спина. Даше так весело и смешно стало, она не выдержала и своим веселым, милым голосом громко засмеялась и, еле разберешь, сказала:

– Ну что, дядя Семен, не угадал? Перепугался?

Семен поднял голову, испуганный смотрел на Дашу, не веря своим глазам. Потом громко вздохнул, глядя на плеть:

– Так ведь, барыня ты наша милая, вон то, что у тебя на руке, она не один раз ходила по моей спине. И Даша подняла правую руку, на которой висела плеть, посмотрела на плеть, лицо ее сделалось серьезным, сняла плеть с руки и бросила на скамью, стоящую у стены. Даша как-то сразу переменилась, грустными глазами осмотрела это «логово», в котором жили Матвей и Семен. Села на нестроганую скамейку, на которую бросила плеть, и сказала, садясь:

– Дядя Степа, давай поговорим.

– Изволь, барыня, – Семен сел на нары, на которых лежала примятая солома, тут они и спали с Матвеем. Даша еще раз посмотрела на нары, на стены и потолок, как-то тяжело вздохнула и грустно сказала:

– Дядя Семен, ведь в этом логове свиньи и то по доброй воле не согласятся жить. Нет, дядя Семен, в этом ты виноват,

ты, – повторила она.

Конюх Семен побледнел, тело его затряслось.

– Так я же хотел обделать по-людски, как только ваш папаша Матвейку отдал мне на воспитание, – сказал он. – Да куда там, ваш управляющий, как увидел, что я начал материал припасать, сказал мне:

«Ты, Семен, и так живешь намного лучше, чем другие крепостные, брось это дело». Я вашей маменьке сказал, она сказала, что ничего против управляющего сделать не может, ну я вот так и живу.

Даша слушала и не верила своим ушам, но конюху дяде Семену она верила. А потом тихо сказала:

– Ну, теперь мы это все исправим. Исправим, – тихо, но твердым голосом повторила она.

Семен перекрестился:

– Молю тебя, барыня, не надо, мы живем против других неплохо.

Даша еще увереннее сказала:

– Нет, дядя Семен, вы так больше жить не будете.

Даша своими чистыми, молодыми глазами уставилась в Семеновы глаза, а потом душевно, как будто бы с просьбой, заговорила:

– Дядя Семен, лучше вас никто не знает, как Матвей попал к нам, кто он, где его мать, отец, расскажи мне, а, дядя Семен.

Семен как-то удивлен не был сказанным словам Даши, его

вид был, как вроде он давно ждал этих слов от нее. Семен как-то горделиво и с упрёком заговорил:

– Нет, милая моя барыня Дашенька, я ничего не знаю про Матвея. Матвей ли он аль Иван, кто мать не знаю, кто отец тоже никто не знает. Это знает только твой папаша, где он его взял. А рассказать я тебе расскажу, что я только знаю, – и Семен стал рассказывать. – Тебе, Дашенька, было тогда всего два годика. Твой папаша приехал из Москвы, когда въехал во двор, то был уже поздний вечер, твой папенька из кареты вылез, а потом из кареты вытащил мальчонку, поставил на землю и сказал мне: «Вот, Семен, бери себе будущую замену, корми его, расти, как Матвей вырастит, ты будешь старый, он тебя и заменит. Приучай его к труду и мудрости ухода за барскими лошадьми». Я Матвейку принес вот в эту лачугу, ой, какой он был худой. Я и не думал, что он жив останется. Да спасибо твоей маменьке, разрешила давать ему пищу из барской столовой, так мы теперь и стасуемся из вашей столовой.

– Дядя Семен, и все, что ты знаешь? – спросила Даша.

– Все, – сказал Семен.

– Ну, а сколько лет-то ему? – спросила она.

Семен подумал и сказал:

– До года четыре, наверное, было.

В это время во дворе послышался лошадиный топот копыт и фыркание лошади. Даша как бы напугалась, покраснела в лице, быстро встала на ноги и тихо сказала:

– Матвей приехал. Семен хитро посмотрел Даше в глаза, тоже тихо произнес:

– Да.

Даша пошла к двери, а Семен схватил плеть:

– Барыня, плеть-то забыли.

Даша повернулась к Семену, посмотрела на плеть, потом на Семена и сказала:

– Да ну ее, к черту, эту плеть, – и вышла в конюшню.

Семен держал в обеих руках плеть, смотрел на нее и думал:

– Да, эта плеть походила по спинам крепостных.

Матвей подъехал к конюшне, быстро соскочил на землю со спины жеребца, стал гладить его морду. Разгоряченный конь перебирал ноги, как вроде бы просил:

– А ну, прокатим еще.

Матвей услышал, как хлопнула дверь конюшни, обернулся и увидел молодую барыню в одежде, в которую дамы одеваются только для езды верхом на лошадях. Матвей, улыбаясь, низко наклонился перед молодой барыней:

– Здравствуй, барыня, – мягким, чистым голосом сказал Матвей.

Даша смутилась, покраснела, не зная, что сказать, она стояла как вкопанная, а в мыслях пробежали слова:

– Господи, помоги мне собраться с мыслями.

И тут же увидела в лице Матвея лицо Иисуса Христа. Все тоже: и волосы черны, и тонкий нос, и припухшие губы,

и смуглое лицо – только Иисус Христос ей грозился двумя пальцами руки, а Матвей улыбался. Матвей увидел, что барыня растерялась и стоит смущенная, не зная, что сказать. Матвей как-то ласково и дружески заговорил:

– Государыня вы наша, вы видно хотели верхом прокатиться, но я знаю, вы никогда еще не ездили верхом на лошадях, извольте, я помогу вам научиться езде верхом.

Даше так приятны были его слова, а мысль ей подсказывала:

– Ну, говори, говори, Матвеюшка, я буду слушать тебя хоть 100 лет.

Потом Даша еле сказала смущенным голосом:

– Да, да. Я-я хо-те-те-ла.

Матвей, улыбаясь, смотря барыне в лицо, сказал:

– Да вы, барыня, не бойтесь коня, он очень смирный, идемте, барыня вот сюда, – и Матвей пошел к стоящему чурбану, на котором кололи дрова. Даша пошла рядом с Матвеем, а арабский жеребец, увидев молодую пару рядом, как вроде застеснялся и тянулся сзади них на поводьях, вытянув шею. Матвей и Даша подошли к толстому, высокому чурбану и Матвей сказал:

– Вот, барыня, залазьте на чурбан, а я подведу жеребца, и вы свободно сядете верхом.

Даша посмотрела на высокий чурбан, осмелев, сказала:

– Да я разве залезу на этот чурбан.

Матвей посмотрел ей в глаза, с улыбкой сказал:

– Позвольте, барыня, я вам помогу.

– Давай, – сказала Даша.

Матвей подошел рядом к Даше, сначала взял ее за руку и потянул на чурбан. Даша подняла было одну ногу и, увидев, что не станет на него, сказала:

– Нет, так не выйдет.

Матвей смело, как родную сестру, взял Дашу в охапку и легко поставил ногами на чурбан.

– Вот так, – сказал Матвей.

Даша опять смутилась и подумала:

– Господи, первое прикосновение к моему телу мужчины, – и на душе потеплело.

Матвей поближе подвел к Даше жеребца:

– Ну, – сказал он, – теперь, барыня, ставьте ногу в стремя и садитесь в седло.

Даша вставила ногу в стремя и, как заядлый кавалерист, привстала в стремени, и вторую ногу махнула через седло, так легко и уверенно села в седло, сказав:

– Ой, как удобно сидеть.

Посмотрев на Матвея, сказала:

– Матвей, знаешь что? – Матвей поднял глаза на Дашу и смотрел на нее. – Когда мы вдвоем, не зови меня барыней. Ладно, а?

– Как хотите, – Матвей хотел было сказать барыня, а потом сказал, – Даша.

– Вот видишь, так приятней.

Матвей еще больше стал увереннее, сказал:

– Ну, милая Дашенька, поехали?

– Поехали, – сказала она.

– Держись, – сказал Матвей и повел за собой жеребца.

Жеребец пошел плавно, Даша покачивалась в седле радостная, забыв про все окружающее ее, и только видела одно лицо Матвея, который пятился задом, вел за собой жеребца и смотрел на Дашу с улыбкой на лице. Сделав по двору один круг, Матвей повел жеребца быстрым шагом, уже не пятился назад, а рядом шел с Дашей, а жеребца держал впереди на вытянутой руке под уздцы.

– Ну, – сказал Матвей, – побежали.

И Матвей побежал, а жеребец, как будто зная слова, тоже побежал рысью. Дашу стало трясти, и она стала бухаться мягким местом о седло, Даша стала морщиться от боли. Матвей остановил коня, смотря прямо Даше в лицо, весело заговорил, причем показывая руками. Даша виновато, с болью смотрела в лицо Матвея. Потом свою левую руку ладонью прислонил к пояснице Даши и сказал:

– Ты, Даша, спину прямо поставь, – а сам правую ладонь руки прислонил к груди Даши и потянул назад, – вот так, прямее, еще прямее, даже надо чуть-чуть назад, – Даша выпрямила спину. – Вот, вот так, – сказал он и обе руки отнял от ее туловища.

Даша подумала, что это Матвей нарочно прислоняется к ней. Она была и рада его прикосновениям, и стыдилась.

А ногу Матвей обеими своими руками взял за икру, поставил, как надо, и сказал:

– Держи так.

Даша смущенная смотрела на него. Матвей весело улыбался, как вроде ничего не замечая, сказал:

– Дашенька, а ты своим туловищем, как вроде подымайся на ногах, несильно ногами нажимай на стремя, тогда ты не будешь шлепаться о седло.

Даша на стремя нажала ногами, чуть приподняв туловище, и спросила:

– Так?

– Да, да, Дашенька, вот молодец, поехали.

– Поехали, – сказала она.

Матвей тронул жеребца, и он пошел рядом с Матвеем. Потом Матвей побежал, и жеребец тоже побежал. Матвей посмотрел на Дашу, она сидела в седле прямо, и больше уже ее тело так не стучалось об седло. Матвей пробежал круг, потом второй. Даша, сияя от радости, сказала:

– Остановись, Матвей.

Матвей боязливо остановился и спросил Дашу:

– Что, не нравится?

– Нет, – сказала она, – очень хорошо, только ты вот бегаешь со мной, устал. Сегодня, наверное, хватит.

– Дашенька, что ты. Я не устал, да я сто кругов с тобой пробегу и не устану.

Даша весело с улыбкой смотрела на него:

– Нет, Матвей, лучше давай я попробую сама.

– Ну, как хочешь, – грустно сказал он. Матвей забросил поводья узды на шею жеребца. – Ну, бери, Даша, в руки повод.

Даша взяла. Потом Матвей сказал:

– Ты, Даша, руки высоко не держи и поближе к себе, – взял ее руку, поставил, как надо, – вот так, и ту руку также

Даша и вторую руку сделала так.

– Повода немного натяни, ага, вот так. Я, Даша, один круг я с тобой пробегу? – спросил Матвей. Даша мотнула головой в знак согласия, и Матвей радостный сказал. – Поехали.

Пробежал Матвей круг с Дашей и сказал:

– Ну, Дашенька, сама поедешь?

– Поеду, – улыбаясь, сказала Даша.

Матвей остановился, а жеребец, как вроде бы выучил свою службу, побежал по кругу. Объехав несколько кругов, Даша остановила коня рядом со стоящим Матвеем, глубоко вздохнув, сказала:

– Ну, сегодня хватит. Вот, здорово.

Матвей взял поводья узды и спросил:

– Помочь тебе сойти с коня?

Даша засмеялась:

– Ну, а как ты думаешь? Я сама вниз головой прыгну.

Матвей смутился. Поближе подвинулся к Даше. Даша, смотря на Матвея, как ребенок потянулась обеими руками к Матвею. Теперь Матвей громко засмеялся:

– Да не так надо слезать.

– А как? – спросила Даша.

– Берись обеими руками за перед седла, – Даша взялась, – приподнимайся на ногах, – Даша поднялась, – теперь ту ногу закидывай сюда ко мне, а на этой стой, – Даша так сделала, – теперь приседай, – она стала приседать, а Матвей взял обеими руками Дашу под подмышки, немного поднял, – ногу вынь из стремени, – она вынула ногу.

И Матвей Дашу опустил на землю. Даша обернулась к Матвею лицом, глубоко вздохнула, улыбаясь:

– Ой, как ноге больно.

– Это сперва, потом будет не больно, – сказал он.

Даша, не спуская с Матвея глаз, спросила:

– Матвей, ты читать, писать умеешь?

Матвей посмотрел ей в глаза виновато, сказал:

– Нет, Дашенька, не умею, правда, буквы знаю, но не все.

Даша торопливо заговорила:

– Ты согласен, я научу тебя читать, писать, и все четыре действия математики. – Матвей стоял, молчал. – Ну как, хочешь уметь читать, писать? – повторила она.

– Я-то очень хочу, – Матвей что-то еще хотел сказать.

– Все-все-все, больше ничего не говори, ставь жеребца в конюшню и прямо приходи ко мне в комнату, нет, нет, – Даша заторопилась, – я тебя буду ждать на крыльце.

И пошла к дому. Матвей стоял, смотрел ей вслед. Матвей ничего не думал, только одному был рад, что его хотят на-

учить читать и писать, и сказал вслух:

– Вот бы хорошо.

Матвей завел жеребца в конюшню, быстро отстегнул подпругу, ловко снял седло, повесил на дощатый забор, завел жеребца в свое стойло, снял узду. Погладил коня по спине:

– Ну, друг мой, отдыхай, ешь.

А сам пошел в свое жилье. Зайдя в свое жилье, увидел, что дядя Семен грустный сидит на краю нар и заботливо, уныло смотрит на Матвея.

– Ты что, дядя Семен, не заболел ли?

– Да нет.

– А что ты такой невеселый?

– Да вот, боюсь я за тебя, если молодая барыня удастся характером в отца, ох, и подлая же будет, прямо змея змей, – сказал Семен.

– А если в мать будет она, – сказал Матвей.

– Это хорошо бы было, – сказал Семен.

– А она меня, дядя Семен, посулилась выучить читать и писать, и велела сейчас же приходить к ней».

– Ты, Матвеюшка, будь осторожен с нею, не дай Бог, она же тебя и загонит в солдаты.

– А солдатом быть я не боюсь, мне вот только научиться немного грамоте, а она-то мне что – барыня, она и есть барыня, – Матвей эти слова как-то произнес пренебрежительно.

– Ну, ну, ты у меня сынок умный, только не оплошай, не поддавайся ее прихотям.

– Да не бойся, дядя Семен, все будет ладно. Ну, я пошел учиться в школу, – весело сказал Матвей и пошел в дом Дашаши.

А Даша в это время в комнате матери шумно, радостно махала руками, громко говорила:

– Ты знаешь, маменька, какой Матвеюшка?

– Ну?

– Ну, прямо ангел. Голос, голос у него такой, такой, – Даша каждое слово повторяла два-три раза, – а похож, ну прямо, ой, Господи прости меня, похож он, как у меня на иконе Иисус Христос. Только Иисус Христос такой хиленький, слабенький, а Матвей сильный. Ручищи прямо «во», – показав двумя руками толщиной с бревно, – а жесткие, прямо, как кирпич, а тело – тело твердое, как дерево.

– А откуда ты знаешь, что у него руки жесткие, как кирпич, а тело твердое, как бревно? – хитро, с грустной улыбкой спросила мать.

– Да он подвел коня к высокому чурбану и говорит: «Стань на чурбан и садись в седло». Я посмотрела на чурбан, а он высокий такой, я разве залезу на него. Так Матвей как взял своей рукой мою руку, а она у него, как кирпич жесткая, а потом схватил меня в охапку, бац, меня на чурбан так и поставил на ноги, а тело у него, как дерево. А я села в седло и согнулась, как старуха. Так он мне своей ручищей одной, как нажмет на спину, а другой, как нажал на грудь, так сразу мне выправил спину прямо, – Даша стала немного приукра-

шивать, — аж, маменька, и сейчас мне спине больно.

Мать, хитро улыбаясь Дашиному вранью, сказала:

— Коснулся твоей нежной спинки.

Даша озорно с улыбкой спросила мать:

— Это откуда ты узнала, что Матвей ладонью коснулся моей спины, а?

— Да я в окно все видела.

— Ой, маменька, как нехорошо подсматривать. А потом, маменька, он меня взял своими ручищами под подмышки, поднял и опустил прямо на землю, как перышко. Маменька, я пообещала его выучить читать, писать и арифметике, он сейчас придет, это я велела сейчас же прийти к нам, — Даша сказала эти слова, вроде оправдывая Матвея.

— Да, — сказала мать, — друзей иметь это хорошо, но друзья бывают разные. Ты думаешь, что он настоящий друг, а он окажется подлец.

Даша выпучила свои глаза на мать:

— Да что ты, маменька, я уверена, Матвейка чистый ангел.

— Это хорошо, — вздохнула мать.

— Я побегу, маменька, переоденусь, а то Матвей сейчас придет.

Даша быстро пришла в свою гардеробную, сняла костюм, надела шелковый цветастый халат, который чуточку не доставал до пола, надела теплые фетровые тапочки, подошла к зеркалу, причесала волосы, еще раз осмотрела себя и осталась довольной. Еще раз зашла в комнату матери и спроси-

ла ее:

– Ну, как выгляжу?

Мать посмотрела, сказав:

– Хорошо.

– Эх, маменька, вот бы мне такое крепкое тело, как у Матвея, а то что? – она одной рукой пожала мышцы другой руки, потом пощупала свои бедра. – Ну, прямо как какая-то дрязга.

– Матвей много работает, много верхом ездит, вот у него тело и склотилось. Вот подойдет посевная, ты пойди, сей хлеб, паши, потом сенокос подойдет, пойди косить траву косой, а когда подойдет уборка урожая, то тут тогда и коси, и снопы вяжи, молоти и ты к осени будешь иметь такое же упругое тело, – мать посмотрела в окно и сказала. – Иди, встречай Матвея, вон идет к нам.

Даша выбежала на крыльцо. Матвей не торопясь шел к крыльцу. Даша подбежала к Матвею, взяла его за руку.

– Идем, – улыбаясь, смотря в глаза Матвея, – сейчас зайдем в нашу столовую, покушаем, – сказала она, – а потом за учебу.

Даша завела Матвея в свою столовую, барыня сидела за столом. Матвей низко наклонил голову вниз, тихо сказал:

– Добрый день, барыня.

Барыня посмотрела на Матвея, как будто впервые видела:

– Здравствуй, Матвеюшка, проходите, садитесь за стол, покусайте, а то устали, наверное.

Матвей посмотрел на Дашу, которая стояла рядом с ним. Матвей покраснел, увидев одеяние Даши, ее матери и свое. Барыня поняла, отчего Матвей покраснел. Заботливо заговорила:

– Садитесь, дети, кушайте, – вставая со стула, подойдя к ним, обоих подталкивая сзади руками, повторила, – кушайте, да вы мне тут не шалите, а я пойду, а то мне некогда.

И ушла. Матвей перекрестился, Даша поглядела на Матвея, тоже перекрестилась, и оба сели за стол, друг против друга. Ели они молча, каждый думал о своем. Даша думала, как начать разговор, чтобы Матвей понял, что она любит его. Матвей же думал, что он крепостной и живет, как скотина. Захотела Даша покататься верхом на лошади, я, Матвей, бегай рядом с ней, как собачонка, захотела в дом его привести и привела, покормила, а захочет выпороть плетью – выпорот. Матвей покушал, поднял голову, глядя на Дашу тяжело вздохнул. Даша уже не кушала, а смотрела на Матвея, в ее лице играла смелость и радость, как это бывает у счастливых и любящих друг друга супруг. Матвей повернулся к образу иконы и перекрестился, а потом повернулся лицом к Даше, низко поклонился и сказал:

– Спасибо, Дашенька.

Дашенька, как вроде бы испугалась этих сказанных Матвеем слов:

– Что ты, Матвеюшка, за что же мне спасибо. Ведь все, что на столе не мною сделано и приобретено.

– Нет, Дашенька, это все твое, а мое дело крепостного, даст хозяин покушать – покушал, не даст и так хорош, с пустым брюхом легче бегать.

Услышав эти слова, Дашу бросило в жар, она не знала, что сказать. Матвей, увидев на лице Даши краску, понял, что обидел ее:

– Ты, Дашенька, прости меня, что такие слова ляпнул.

– Нет, Матвей, ты сказал правду. Я на тебя не обиделась, а мне просто стало стыдно перед тобой.

– Это почему же, Дашенька?

– Ну, вот хотя бы, я смотрю на тебя, во что ты одет и во что я одета, а вот если бы можно посмотреть, – Даша пальцем ткнула себе в лоб, – что тут и что у тебя там.

Матвей улыбнулся, спросил:

– А как ты думаешь, Дашенька?

– Я. Ты, Матвей, не обижайся, если я скажу, а я скажу правду. Ты, Матвей, мне кажется, очень хитрый, я девчонка, ну, дурочка перед тобой.

Даша, улыбаясь, смело подошла вплотную к Матвею, глядя прямо ему в глаза:

– Ну, мы сейчас с тобой проверим, сколько в твоей голове ума, пошли в мою комнату.

Матвей понял, что сейчас будет Даша его учить читать.

– Да я и сам не знаю, есть ли в моей башке ум, – улыбаясь, сказал он.

Зайдя в комнату, Даша показала рукой:

– Вон кресло у стола, садись поудобнее за стол.

А сама пошла к шкафу. Подойдя к шкафу, открыла дверцу, провела глазами по книгам, что стояли в шкафу, вынув одну, протяжно сказала:

– Вот она, моя первая книга, по которой я начинала учить буквы и начинала учиться из букв складывать слова.

Подойдя к Матвею, открыв первую страницу книги, положив ее на стол перед Матвеем, спросила:

– Ну, покажи, какие буквы ты знаешь?

Матвей посмотрел и пальцем указал на буквы Ш-Щ:

– Вот, их не знаю.

– А, – протянула Даша, – я их тоже путала. Щи знаешь?

– Знаю.

– Ну вот, она и есть, – указав на букву Щ, – как просто можно запомнить. А эта, – сказала Даша, – шляпа, – указав тоже пальцем, на букву Ш.

Матвей улыбнулся:

– Теперь, я их не забуду.

Так Даша объяснила все буквы, которые Матвей не знал, и сказала ему:

– Да ты совсем мало не знал букв, а почему же не умеешь читать?

Матвей посмотрел в лицо Даши:

– Да где книжки-то?

Даша, улыбаясь, ткнула пальцем себе в лоб:

– Вот видишь, тут, наверное, у меня пустота. Не сообрази-

ла сама, где у тебя книги-то. А где ты выучился знать буквы?

– Да дядя Семен на земле палочкой напишет, вот которые он знал и мне показывал, я запоминал.

– Ну, дружок, теперь давай учиться читать.

Даша вспомнила, как учитель учил ее читать, стала объяснять Матвею.

– А, – протянул Матвей, – понял.

– Понял, – Даша вздохнула, – ну пробуй, смелей, не стесняйся. Я не буду тебе мешать.

Взяв свое вышивание, начала быстро работать иглой с шелковой нитью. Матвей как-то сначала мучился, не мог понять слова, складывая буквы, даже пот сошел с лица, который он вытирал рукавом рубахи своей. Даша, увидев это, улыбнулась, потом встала, пошла в свою гардеробную, взяла лучший свой полотенец расшитый шелковыми нитями, на концах которого были вышиты красивые парень и девушка, между которых была вышита ветвистая береза, подойдя к Матвею, сказала:

– На, вот полотенце, вытирайся.

Матвей посмотрел на полотенце, которое Даша держала в обеих руках, развернутое так, что вышитые рисунки видно было полностью, потом посмотрел Даше в лицо, удивленный красотой рисунка.

– Нет, – сказал он, – такую вещь я даже в руки свои не возьму, запачкаю.

Даша побледнела, руки ее затряслись, слезы навернулись

в глазах. Дрожащим тихим голосом сказал:

– Матвеюшка, я тебе это полотенце дарю на память. Сама, только для тебя, я старалась вышить, – показывая рисунок, – это ты и я стоим у березы дружбы. – Матвей растерялся, глядя то на полотенце, то на Дашу, как вроде бы его кто-то колом ошарашил по голове. – Матвеюшка, не обижай меня, не рви мою надежду, а, – тихим слезливым голосом проговорила она.

– Да-да. Я- я, – заикаясь, не зная, что сказать, – да мне и беречь-то его негде.

Даша прижала руки с полотенцем к пышной своей груди, тихо сказала:

– Вот тут.

Матвей бледный в лице, тихо проговорил:

– Ну, если ради дружбы, то, Дашенька, считай меня своим рабом, что хочешь, прикажи и что будет в моих силах, я буду делать для тебя за нашу дружбу.

Матвей протянул обе руки в сторону Даши, она своими руками положила полотенце на руки Матвея, добавила:

– Ради любимой нашей дружбы.

Матвей как-то с тоской посмотрел на Дашу. Дрожащими руками осторожно сложил полотенце так, что рисунок оказался в середине полотенца. Развязал веревочку, которой был опоясан, засунул полотенце под рубашку поближе к груди и подпоясался опять веревочкой. Поглядел Даше в лицо, увидев в лице Даши радость, сказал:

– Ну, спасибо тебе, Дашенька, покуда не умру, буду всегда носить тебя в своей памяти.

– Ну и хорошо, спасибо тебе, Матвеюшка, что мой труд не пропал, что он попал моему, – Даша запнулась на последнем слове.

Матвей испуганный сказал:

– Даша, Дашенька, неужто, а?

Даша закрыла ладонями обеих рук лицо, прошептала:

– Не неужто, а я давно люблю тебя.

– Это, Дашенька, хорошо, что любишь. Люби себе на здоровье, кому какое дело. Я, может быть, тоже тебя люблю, даже, может быть, в десять раз больше тебя люблю, чем ты меня, но я только сказать не могу. Тебя, Дашенька, не любить нельзя, не потому, что ты барыня или, там, очень богатая, да даже не потому, что ты очень красивая, а потому, что ты уж очень добрая и умная. Твой ум и доброта делают тебя очень красивой.

– Спасибо, Матвеюшка.

– Дашенька, сегодня нам вместе быть уже хватит, ты дай мне эту книгу и позволь уйти.

– Да-да, возьми. Только вот что, Матвеюшка, ты прости, что мы без твоего спроса решили с маменькой, – Матвей насторожился, – ты больше двор мести не будешь, а будешь кучером у маменьки. А за лошадьми ухаживай по своей воли. Да, одежду тебе там должны принести, так ходить больше не будешь.

Матвей низко поклонился и тихо прошептал:

– Спасибо тебе, Дашенька.

Даша сразу же повеселела и громко проговорила:

– Ну, друг мой, давай по-мужски до утра простимся, по-
жмем друг другу руки, – она, взмахнув весело правую руку,
вытянула Матвею. Матвей посмотрел Даше в лицо и не ве-
рил, как быстро она переменялась. Матвей легонько взял Да-
шину руку. – Матвеюшка, я же просила тебя проститься по-
мужски, а ты прощаешься по-дамски, – Матвей стиснул руку
Даши, она аж побелела. – Вот это да, до утра буду чувство-
вать твою руку, – сказала она.

– Даша, изволь поцеловать твою руку.

Даша засмушалась:

– Целуй, да чтоб я до утра ощущала твой поцелуй.

Матвей, поцеловал руку Даши:

– Ну, до утра.

– До утра, – грустно сказала Даша.

И Матвей ушел из Дашиной комнаты в свою лачугу. Мат-
вей радостный быстрыми шагами подошел к двери своего
жилья, рывком отворил дверь и увидел, в комнате уж очень
светло, хотя на дворе уже начинались вечерние сумерки. Дя-
дя Семен, заложив руки назад, спустя голову вниз, задумчи-
вый ходил по комнатке туда-сюда, даже не обратив внимания
на Матвея. Матвей стоял, смотрел на него несколько време-
ни, а затем спросил:

– Что с тобой, дядя Семен?

Семен остановился, вытянул шею вперед в сторону Матвея и сердито громко сказал:

– Что-что? Ты зайди в комнату, посмотри, что тут сделали. Вот приедет барин да 25 лет солдатчины влепит тебе, тогда узнаешь что, тогда и помозгуешь своей головой, что будет с тобой, – Семен, пальцем руки указывая на Матвея, еще громче сказал, – с тобой, что будет?

Матвей вошел в комнату, увидел, что стены аккуратно оклеены толстой белой бумагой. На столе разослана чистая скатерть. Матвей с края поднял скатерть, увидел, что стол был вымыт и насухо выскоблен. На скамейке лежала какая-то крашеная дерюга, он поднял немного край дерюги, увидел, что скамья тоже вымыта и насухо выскоблена. Пол, который, как была собрана эта лачуга, никогда не мылся, а сейчас он отражал какой-то желтизной, он был вымыт и насухо выскоблен, стекло небольшого окна переливалось чистотой. На нарах соломы уже не было, а лежала во все нары кошма, на ней были 2 матраца, на них лежали чистые дерюги, на дерюгах были стеганные одеяла, правда, не новые, но еще хорошие, и две подушки с чистыми цветастыми сатиновыми наволочками.

– Ну и что тут плохого? Даже очень хорошо, – сказал Матвей.

Семен, уже разгоряченный, схватил в руку стоящие какие-то яловые сапоги, густо намазанные дегтем, поднял их на уровне лица Матвея и громко, раздраженно сказал:

– А это что!? Что, я спрашиваю тебя!?

Матвей, улыбаясь, тихо сказал:

– Сапоги, и почти новые.

Семен поставил сапоги, где они стояли.

– А вон!? – крикнул Семен, указывая в угол комнаты, где стоял небольшой сундучок, которого раньше не было у них. – Посмотри, что там тебе наложили, а!

Матвей подошел к сундучку, взял за ручку, которая была прикреплена к крышке, поднял сундучок.

– Ого, тяжеловат, – сказал он, поставил на стол, открыл крышку и увидел необычайно блестящую цветную вышивку-рисунк. Матвей развернул – это была рубашка, на груди которой была вышита очень красивая девушка, а ее сверху вниз и обратно вверх обвивал дважды толстый змей, который выходил на воротник рубашки, загибаясь по стоячему воротнику. А с другой стороны разинутая пасть змея, пытаясь кого-то укусить, но девушка своей правой рукой зажала у головы змея, не давая ему укусить. Матвей сразу же понял, если он наденет рубашку и застегнет стоящий воротник рубашки, то змей будет как раз пытаться укусить его в подбородок, но девушка это сделать не даст. Матвей улыбнулся, он был рад и, не зная чем озабочен. Ну, а остальным в ящике были двое брюк, еще рубашка вышитая, чулки шерстяные, полотенце, шляпа черная фетровая. Матвей даже удивился, что в ящике увидел опасную бритву. Он взял ее и удивленно смотрел. Семен злорадно сказал:

– Барыня-то приказала теперь тебе бриться, вон, не видишь, и зеркальце тебе повесили.

Матвей глядя на дядю Семена, улыбаясь, сказал:

– Дядя Семен, ну что ты расстраиваешься, ну что я могу сделать, не учить ее верховой езде, отказаться учиться у нее, сейчас все это дерьмо бросить ей в ноги? Ну, ты скажи, что мне делать?

– Вот я и думаю, – тихо сказал Семен.

– Ну-ну, думай, дядя Семен, а я пока буду исполнять волю барыни.

Матвей подошел к зеркальцу и повел по щекам, по усам и бороде бритвой. Бритва сухой пушок волос с лица просто смывала.

– Хорошая сталь, – сказал Матвей, – на старости пригодится, – и посмотрел на Семена.

Семен немного повеселел:

– Ну, ладно, переодевайся, а я выйду, – и вышел из комнаты.

Через некоторое время Семен вошел в комнату и увидел перед собой, как будто бы не Матвей это, а какой-то господин.

– Ну, прямо господин и все тут, – сказал Семен.

Вдруг отворилась дверь, в проходе стояла Дашенька нарядная, густые длинные волосы распустились ниже плеч по спине, на лице играла веселость и радость. Она быстро подошла к Матвею, не обращая на Семена:

– Ну-ка, ну-ка, я посмотрю на тебя. Матвеюшка, ты или это?

Она провела глазами сверху до низа Матвея, потом обеими руками повернула его к себе спиной, тоже провела глазами сверху до низа, ладонью правой руки провела по сюртуку Матвея, потом расправила ладонями обеих рук сюртук на плечах и повернула Матвея к себе лицом. Улыбаясь, сказала шутливо:

– Берегись, берегись, – повторила она, – а то какая-нибудь барыня вроде меня, как увидит тебя, бац, да и запрет тебя в своей комнате, и прощай, наш Матвеюшка.

Даша засмеялась. Матвей покраснел, смущенно проговорил:

– Спасибо тебе, Дашенька, за все.

Даша, улыбаясь, ткнула пальцем своей руки в щеку:

– Целуй сюда, – Матвей как-то замялся на месте. Даша озорно повторила, – Ну, целуй же. Дядя Семен, – обратилась она к нему, – ну прикажи же ему, ведь он тебе, как сын.

Семену эта забава пришлась по душе, он, улыбаясь, сказал:

– За это, что сделала барыня, не только раз, а даже не знаю сколько раз поцеловать.

Даша, улыбаясь, тыча пальцем себе в щеку, вытянула шею к Матвею:

– Вот сюда, сюда, – повторила она несколько раз.

Матвей клюнул Дашу в щеку, повторил:

– Спасибо, Дашенька.

– Ну, вот и молодец, – сказала она, – а теперь пойдемте ужинать. Тетя Шура-экономка велела приходить, ужин готов.

Все втроем: Даша, Семен и Матвей – вошли в кухню, их встретила экономка тетя Шура, подошла к Матвею радостная, поцеловала его, грустно сказала:

– Что только нельзя с человеком сделать, – потом подошла к Даше, поцеловала ее, тихо прошептала. – Спасибо тебе, Дашенька, умница ты моя, – и прослезилась.

Остальные женщины, а их было человек пять, стояли рядом друг с другом, радостно улыбались. Ведь они вырастили Матвея таким. Когда он был еще маленьким, они кормили его, купали, чем могли, одевали его. Ну, а теперь вон ведь какой парень вырос, даже вон барыня и та завидует. Только стали рассаживаться за стол, вошла Дашина мать. Матвей, наклонив голову:

– Спасибо вам, барыня, за все.

– Ну-ну, – сказала барыня, – вон, – хотела сказать «Дашу благодари», да посчитала за неприличие, и сказала, – тетю Шуру благодари, она тебе вроде матери.

Матвей глянул на тетю Шуру, та фартуком утирала слезы. Матвей, не желая никого обидеть, тихо сказал:

– Спасибо вам всем, что вы вырастили меня и оказывали заботу обо мне.

– Что тут теперь плакать, радоваться надо, – громко ска-

зала Даша.

– Дык, я от радости прослезилась, – сказала тетя Шура-экономка, – о Господи, да давайте, садитесь ужинать.

– Тетя Шура, я с вами буду ужинать, – сказала Даша.

– С нами, так с нами, садись и ты, – ответила экономка.

– Маменька, давай все вместе поужинаем. Ты ужинала? – обратилась Даша к матери.

– Нет, не ужинала, тебя ждала, – ответила барыня и добавила, – давайте, все вместе, оно как-то лучше придает аппетит.

Все сели за стол, кроме экономки. Экономка сама наливала в чашки щи. Потом барыня сказала:

– Матвеюшка, сегодня сделаем день рождения, – а сама посмотрела на Семена.

– Так разве мы супротив такого хорошего дела, – сказал Семен.

– Дашенька, – обратилась барыня к дочери, – принеси бутылочку коньячку, там у меня в шкафу.

– Маменька, – сказала Даша, – можно мы с Матвеем сходим, а то я одна боюсь, уже темно.

Барыня улыбнулась и обратилась к Матвею:

– Матвеюшка, сынок, сходи с Дашей, покарауль ее, а то такую красавицу волки могут унести.

Даша покраснела, только и сказала:

– Маменька!

– Ну ладно, идите, да в темноте не упадите.

– Я им фонарь дам, – поторопилась экономка, быстро найдя фонарь, зажгла его и дала Матвею.

Даша и Матвей быстро пришли. Даша на стол поставила две бутылки коньяку против матери. Барыня встала, взяла бутылки с коньяком и поставила их против Семена.

– По праву, Семен, тебе положено нас угощать.

– Браво, – закричала Даша, – дядя Семен, мы все у тебя и у тети Шуры в гостях.

Семен разлил коньяк в стаканы, поставил их каждому, и Семен не знал, что же дальше делать. Тогда барыня сказала:

– Ну, Семен, говори слово своему приемному сыну.

Семен взял стакан с коньяком в руки и встал, встала и барыня, взяв стакан, их примеру последовали все. Семен заговорил:

– Спасибо вам всем, друзья мои, а особенно вам, барыня, что вы оказали мне и, как вы, барыня, сказали, приемному сыну моему такое торжество. Спасибо вам, что вы все так хорошо помогали мне вырастить такого хорошего, здоровенького малого. Будь, сынок, здоров и счастлив.

Экономка Шура опять прослезилась и фартуком вытирала глаза. Семен больше не говорил. Тогда барыня решила проверить ум Матвея. Обратилась к нему со словами:

– А именинник, что нам скажет?

Матвей, смущаясь, покраснел:

– Да я, что вам скажу, я же при таких вот застольях

не только не говорил, а даже не видел, а так спасибо вам всем. Тебе, дядя Семен, спасибо, что ты был и есть мне отец. Вам, барыня, спасибо, я вас считаю матерью, а тетя Шура мне и есть мама, и вы, – обратился он ко всем женщинам, – вам моя сердечная благодарность. Ну, а тебе, госпожа Дашенька, я прямо не знаю, что сказать, – все как-то насторожились. Даша смотрела прямо Матвею в глаза. – Ты, госпожа Дашенька, для меня, как родная сестра. Правда, я не знаю, что такое родная сестра, но сердцем своим чувствую, что, как родная сестра, вот если бы барыня с барином позволили бы мне быть, Дашенька, твоим... – Дашенька испугалась: «Неужто ляпнет «быть твоим мужем». Но Матвей сказал, – Быть твоим братом. Я бы был даже лучше, чем родной брат, спасибо тебе Дашенька.

У всех как будто бы свалился какой-то груз с плеч.

– Ну, давайте, – сказала барыня, – выпьем за здоровье и счастье Матвеюшки нашего.

Даша подняла стакан, обратилась к Матвею, улыбаясь:

– Ну, брат, будь здоровым и счастливым, даю слово тебе, я в этом помогать тебе буду.

Они чокнулись первыми, потом чокнулась барыня и Семен, экономка Шура и все остальные. Матвей поднес стакан к губам, обмочил губы в коньяк, он ему показался слишком горьким и противным, Матвей поморщился. Наклонился к Дашиному уху и что-то сказал. Даша шепнула матери. Барыня улыбнулась, объявила:

– Знаете что, давайте, друзья мои, молодых людей освободим от выпивки коньяка, он им не понравился.

Все подтвердили, зачем детям такое зелье давать.

Тогда барыня сказала:

– Пусть дети идут в нашу столовую, там стол накрыт, пусть там кушают.

– Конечно, – экономка сказала, – там все есть.

Семен подтвердил:

– Пусть идут.

Тогда барыня сказала:

– Идите.

Даша взяла Матвея за руку:

– Идем, браток, а то тут со стариками как-то не уютно.

И они ушли в барскую столовую. Матвей и Даша, закончив ужин молчком, оба перекрестились. Матвей, поблагодарив Дашу, еще раз стал ей изливать свою благодарность, и особо стал ее хвалить за рукоделие, за выдумку:

– Я бы ни за что не смог придумать такой рисунок, ну надо же, ты просто художник.

– Матвеюшка, как ты понял, о чем он говорит, этот рисунок? – тихо спросила Даша.

– Рубашка – это, представим себе, земля, земля нас всех кормит и одевает, допустим, рубашка на мне. На груди рубашки – земле, стоишь ты спиной ко мне, защищая меня от злодея. Но злодей обвинил тебя двойным кольцом и успел захватить одним своим витком мою шею, пытается укусить

меня за подбородок, пустить смертельный яд. Но ты успела правой своей рукой ухватить его у головы и не даешь ему убить меня. Я, Дашенька, помочь тебе в борьбе со злодеем не могу, стою беспомощный. Ты, Дашенька, в этом рисунке отразила действительную нашу жизнь. Правильно я понял твой рисунок?

– Что нас с тобой касается, то все правильно.

– Ну, я пойду? – спросил Матвей.

– Да, пошли отдыхать, а завтра, как договорились, учеба.

Матвей пришел в свою комнату, Семена в ней не было. Матвей разделся и лег впервые в своей жизни на новую постель. Он долго не мог уснуть, все вспоминал о своей жизни. Его ничего не беспокоило, кроме одного – кто его мать, кто отец, где они, что с ними? Каждый раз, когда Матвей вспоминал про мать, у него сами из глаз вылезали слезы. Матвей много придумывал, как он попал сюда, но не один вариант был ему не приемлем. Он одно только утверждал, что барин и есть змей, как вышла Даша на рубашке. Матвей уснул. На следующий день жизнь у Матвея пошла по-новому. Он быстро встал, умылся с мылом, утерся полотенцем, оделся и вышел во двор – было еще совсем рано. Матвей вернулся в комнату и сел за стол читать. Читал он усердно, забыв про время. Он не слышал, как вошел Семен, который сказал:

– Барыня ждет тебя.

Не открываясь от книги, Матвей спросил:

– Какая?

Семен улыбнулся. Матвей, как ужаленный, вскочил:

– Ох, черт меня побери, неужто, дядя Семен, уже завтрак?

– Да, мы уже позавтракали.

– А что же ты мне не сказал?

– Да уж больно ты усердно читал.

Матвей бегом выскочил из своей комнатки, бегом подбежал к стойлу, где стояла серая, в яблоках, арабской породы кобыла. Матвей, быстро оседлав ее, вывел во двор, на пороге дома стояла Даша. Матвей бегом побежал к Даше, держа за поводья бежавшую за ним кобылу. Подбежав к Даше, Матвей смущенный сказал:

– Доброе утро, Даша.

Даша улыбалась, поприветствовала его и сказала:

– Ну, Матвей, из тебя толк будет.

Матвей совсем смутился:

– Прости, Дашенька, запомню, читал, так трудно дается.

– Я видела.

– Как видела? – спросил он.

– Да я подошла к двери вашей лачуги, смотрю, дверь открыта, заглянула в комнатку, а ты сидишь за столом, так усердно читаешь, я просто не смогла посметь тебя отрывать, вот я и пришла, села на крыльцо и ждала тебя. А дядя Семен позавтракал, идет, увидел меня, поздоровался и спросил: «Матвея ждешь?». Я сказала: «Да». Вот, он тебя и поднял, наверное, – Даша, видя Матвея смущенного сказала. –

Да ты не беспокойся, это даже меня радует, что ты так усердно занимаешься.

Матвей подвел лошадь рядом с крыльцом и сказал:

– Давай, Дашенька, ставь ногу в стремя, – Даша поставила, – ну, теперь опирайся на эту ногу и держись руками за седло, и садись в седло, – Даша легко села в седло. – Ну, Даша, ты просто родилась кавалеристом, ну, давай, поехала.

Даша взяла поводья узды в руки и тронула лошадь. Лошадь спокойно пошла шагом. Матвей стал в середине двора и смотрел, как Даша ездит по кругу. Матвей сказал:

– Дашенька, давай рысью.

Она тронула лошадь ногами, и лошадь побежала рысью. Матвей подсказывал Даше, как держать ноги, туловище и руки. Даша довольно долго ездила на лошади рысью, шагом, потом подъехала к воротам конюшни и сказала:

– Сегодня хватит до обеда.

Матвей подошел к ней, помог сойти с коня.

– Ой, как больно ноге, – сказала Даша.

– А ты, Даша, поделай вот так, – и показал ей, как делать присядку.

Она стала приседать-вставать:

– Ну, Матвей, ставь лошадь и пошли завтракать.

И так потекли дни, один за другим: Даша три раза в день по часу ездила верхом на лошади, а Матвей усердно читал, писал, учил арифметику. У обоих учеников учеба шла успешно. Матвей и Даша так подружились, что долго не мог-

ли друг друга не видеть, они не только стали друг друга не стесняться, они не стали стесняться посторонних. Поначалу крепостные люди судачили меж собой. Одни говорили, что две барыни готовят Матвея в управляющие, а другие говорили: «Да что там управляющим, хозяином-барином готовят». Один только Семен да Дашина мать беспокоились, как уберечь Матвея от солдатчины. А сам Матвей рассудил так:

– Если меня барин за дружбу с Дашей затолкает в солдаты, то если я брошу сейчас с ней дружить, то Даша по приезду отца ее сама меня затолкает в солдаты. Так лучше я буду дружить и эту дружбу использовать – учиться.

И он учился и дружил с Дашей. Кончились солнечные, теплые мартовские дни, наступил апрель месяц. Все стали готовиться на посевную. Управляющий зачастил на усадьбу барина. И вот, однажды днем управляющий зашел в лачугу, где жили Семен с Матвеем. Он увидел, что Матвей решает какие-то задачи, управляющий сел на скамью и смотрел на Матвея, тот даже не встал, не потому, что не хотел встать, а просто увлеченный задачей, не видел, как вошел управляющий. Управляющий сказал:

– Однако, ты, парень, рановато стал чувствовать себя барином.

Матвей поднял голову и увидел управляющего, но перед ним не встал. Управляющий заговорил:

– Как ты думаешь, у тебя совесть есть? Ешь барские харчи и ничего не делаешь. Не пора ли тебе перебраться поближе

к посевной.

У Матвея промелькнуло в голове, и он вспомнил, когда ему было лет 10, Семен послал его поразмять лошадь, проехаться верхом. Когда Матвей верхом приехал во двор, слез с лошади, и управляющий, увидев вспотевшую лошадь, заорал на Матвея и дважды силой ударил его плетью. Как Матвей спрятался сзади семена, который защитил его. Матвей побледнел, грубить не стал управляющему, а дрожащим голосом сказал:

– Да я что, как барыня скажет, так я разве против ее воли.

– А я говорю, так ты, значит, против.

– Так вы, что я крепостной, что ты крепостной, а вот барыня – она хозяйка мне, а тебе не знаю, – сказал спокойно Матвей.

Управляющий вскочил, как вроде бы ему шилом в задницу ударил кто-то. Сначала хотел огреть Матвея плеткой, но увидев Матвеево лицо, сразу как-то сник:

– Ну ладно, – сказал он и вышел из комнаты.

Матвей сразу же изменился, он уверенно сложил в стопку все, что было на столе, бумаги, сел на скамью и задумался. У него осталось в мозгах и сердце одно зло и мщение. Он стукнул по столу своим большим кулаком, твердо тихо сказал:

– Отомстить этой ползучей гадюке за себя, за всех крепостных, которых он – вор и подлая душа, морил голодом, и порет плетью крепостных.

Матвей давно уже знал, что управляющий присваивает себе больше namного раз доходы от хозяйства. Барину дает, если не четвертую часть, то не более, чем третью часть всего дохода. Матвей стал ходить по комнатухе взад-вперед, заложив руки назад, так же, как он видел, ходил дядя Семен.

– А ведь подлый хотел ударить меня, но подлец струсил. Если бы ударил, я б тут же его задушил, как собаку, а тело кровопивца спрятал бы так, чтобы никто и не нашел, куда этот вор делся, – Матвей долго ходил и думал. – Как можно скорее, покуда барин не приехал из Москвы, устранить эту гадюку, – Матвей вспомнил вышитую Дашей гадюку на рубашке. – Вот, кто змей, стремится смертельно ужалить меня. Нет, – подумал Матвей, – надо торопиться.

Матвей услышал голос Даши, которая радостно напевала:
– Ля-ля-ля.

Матвей взглянул в направлении двери, увидел, что Даша радостная, веселая потихоньку бежит вприпрыжку с ноги на ногу, напевая: «Ля-ля-ля». Матвей попытался изменить свое настроение. Но как только Даша вбежала в комнату, увидела Матвея, она сразу же изменилась в лице:

– Матвей, что с тобой, а? Что случилось? – озабоченно и грустно спросила она.

– Ничего, Дашенька не случилось, просто задача никак одна не решается, – сказал он как можно ласковее.

– И из-за этого ты в лице такой мрачный? Нет, не ври, Матвеюшка, говори, что случилось.

Матвей попытался улыбнуться:

– Да что ты, на самом деле, с чего ты взяла, давай сядем, поговорим.

– Давай сядем, – сказала Даша.

Они сели на скамью.

– Даша, мне кажется, мы уже взрослые люди.

– Конечно, – подтвердила Даша.

– А мы, как мне кажется, все занимаемся детством, озорством, бездельем.

Даша насторожилась.

– Что он хочет сказать? – подумала она. Она хотела скорее знать, что хочет сказать Матвей.

– Дашенька, ты не представляешь себе, да ты и не можешь представить, какая ты будешь богатая, когда твой отец подпишет тебе завещание.

– Ну и что? А ты разве этого боишься, – тихо сказала она.

– Нет, Дашенька, я не боюсь, но тебе пора уже хотя бы знать свое состояние. Хочешь, мы завтра, а завтра суббота, после обеда, мы с тобой пройдемся по птичьим и скотским дворам, кой последний свинарник осмотрим, будет вечер. А от свинарни с полверсты будет село, там собирается молодежь, будут песни петь, плясать, так просто, попарно, и более человек будут стоять и разговаривать, ведь ты ничего этого не видела.

Пока Матвей все это Даши говорил, немного успокоился, и Даша засмеялась:

– Да я тебя давно хотела об этом попросить, да стеснялась. Ты боялся это мне сказать, эх, Матвей, – Даша подумала: «А все-таки, он полюбил меня, боится меня показать другим парням – отобьют». Потом сказала. – А стоит ли туда идти?

– Людей нельзя сторониться никому, ни богатым и ни бедным, красивым и некрасивым. Люди должны друг друга знать, должны помогать друг другу. Вот, если бы дядя Семен да твоя маменька, да экономка тетя Шура, да и другие не помогли мне, я б разве вырос таким, я бы просто погиб и все.

– Ну, зачем ты, Матвей, меня уговариваешь, я же не против, с тобой когда угодно и куда угодно пойдем. Будем считать, как ты, Матвей, сказал, так и будет, идем посмотреть хозяйство, знакомиться с людьми. А теперь, пошли обедать, – сказала она.

– А ездить не будешь? – спросил он.

– Нет, хватит мне учиться, ты же сам сказал, что я теперь смогу на любой лошади ездить.

– Конечно, – подтвердил Матвей.

Когда Даша и Матвей подошли к двери барской столовой, Даша отворила дверь и увидела за столом мать и управляющего. Даша, не заходя в столовую, громко сказала:

– Маменька, я покушала уже на кухне.

– Ну ладно, – проговорила мать.

Даша быстро закрыла дверь и шепнула Матвею:

– Этот наш Боров сидит за столом, Господи, прости меня грешную, ох, как я его ненавижу. Идем на кухню.

Пришли на кухню, экономка, увидев их, сказала:

– Да что вы все опаздываете.

Даша подошла к экономке, поцеловала ее и озорно сказала:

– Теть Шур, прости нас, – а потом добавила, – там, в нашей столовой сидит Боров.

Экономка улыбнулась, протянула:

– А-а. Тогда идемте в мою комнату, а то черт его знает, зайдет Боров сюда, – и экономка повела их в свою комнату. – Садитесь, а я вам сейчас принесу.

Покушав в комнате тети Шуры, Даша Матвея позвала в свою комнату. Матвей сказал:

– Нет, друг мой, сегодня не надо.

– Ты что, боишься Борова?

– Я не боюсь его, но не хочу лишних тебе неприятностей.

– Эх ты, Матвеюшка, ты, что думаешь, он не написал, не тут-то было, он теперь столько грязи наворотил отцу, что порядочный человек и не придумает. Я знаю, у Борова даже шпион есть, в нашей столовой работает, и я знаю кто. Она с нами все время и все видит, и ему передает, да еще и извращает. Маменька лет пять тому назад узнала, выгнала ее с кухни, а как отец приехал, велел опять ее взять на кухню, Боров ему пожаловался. Ну ладно, иди, занимайся, решай свою задачу, а я как соскучусь, приду к тебе, узнаю, решил задачу или нет.

Матвей хлопнул потихоньку Дашу по плечу, улыбаясь,

сказал:

– Ладно.

Даша пришла в свою комнату, посидела в кресле, потом посмотрела в окно, во дворе никого не было и ей так стало скучно, она не знала, что делать ей. Она вспомнила Матвеево встревоженное лицо, подумала:

– А все-таки сказал мне неправду, что его могло так расстроить, – думала она.

Даше не хотелось ничего делать: ни вязать, ни вышивать, ни читать. Она пошла в комнату матери. Открыв дверь комнаты матери, она увидела мать, сидящую в кресле, вид у нее на лице встревоженный и грустный. Мать подняла глаза и уставилась на дочь. Даша не удержалась:

– Да что вы сегодня все такие мрачные, вас, что собака бешеная укусила?

– Садись, доченька, рядом.

Даша села. Мать обняла ее и зарыдала.

– Да успокойся, маменька.

Мать, немного посидев, начала рассказывать:

– Этот Боров-то, знаешь, что он сказал. Говорит, в воскресенье приедет в гости с женой и двумя сыновьями, если ты, Дашенька, кому из них понравишься, то вроде бы, он не против будет взять тебя в снохи.

– Надо же, наглец, что сказал. Ну а ты, что ему сказала?

– Что я ему скажу? Сказала, приезжайте в гости, гостям я всегда рада.

– Маменька, да ты у меня просто дипломат, все правильно. Прикажи для гостей приготовить стол, мы встретим их, – Даша громко засмеялась. – Из-за этого ты и расстроилась, да теперь будут к нам посещать один за другим сваты, и ты будешь каждый раз расстраиваться и плакать.

Мать успокоилась, потом долго кое о чем говорили. Наконец, Даша сказала:

– Ну ладно, маменька, я пойду.

Поглядела в окно, Матвей стоял у ворот конюшни. Даша от матери пошла к Матвею, вышла на крыльцо, Матвей увидел ее и пошел на встречу. Они ходили по двору, стояли, сидели на крыльце, разговор как-то у них не шел, как прежде. Матвей думал о своем, а Даша думала о своем, как она будет встречать гостей, сказать ли Матвею об этом:

– Сказать я ему скажу, но когда? Сейчас или завтра в эту пору. Матвей, конечно, придумает, как этого подлого человека встретить. Матвей, я что-то сегодня так устала, давай пойдем спать.

– Я тоже, Дашенька, устал, пошли.

– До завтра, Матвей.

И они разошлись на отдых по своим местам. А когда мать вошла в ее комнату и спросила, что она делает, сказала:

– Ой, маменька, после обеда Матвей меня поведет посмотреть деревенских девчат и ребят, которые по вечерам в субботу собираются на какой-то хоровод. Там будет и гармонь, балалайки, гитары играть, песни будут петь, плясать.

– Я, доченька, это знаю, сама ходила на такие хороводы, когда жила в деревне с мамой и отцом. Ой, Господи, в лаптях ходила, как твой Матвей.

– А как же ты барыней стала? – спросила Даша.

– Да вот так, что-то уж и не помню, что делала на дворе летом, а в это время ехал один московский барин, увидел меня и прямо заехал во двор. Зашел в комнату и давай маму с отцом крутить-вертеть: «Пустите девку жить у меня, нянчитесь с дочкой, что вы ее дома держите. Я, – говорит, – ей буду платить, да я дам вам денег вперед». Барин такой ласковый был, документ показал, адрес свой дал. Ну, мать, отец поговорили, поговорили, да и мне сказали, я и согласилась. Привез меня барин домой в Москву, ну он сказал жене: «Наконец, привез тебе няню, отмой ее хорошенько, да и одень, чтобы на барину походила, научи, как надо барышне служить». Барыня была очень добрая, да и барин был неплохой, только был пьяница и картежник. Через год, наверное, не больше, барин привел к себе твоего папеньку, пили, пили, и вот барин пристал к твоему отцу: «Давай в карты играть и все». Твой папенька потом по пьяни сказал: «Я с тобой играть буду так, если я проиграю – 100 рублей отдаю, если ты проиграешь, то ты мне отдашь няню свою Грушу». Барин согласился, а твой папенька взял подписку с него. Стали играть и барин проиграл твоему папеньке. Господи, как его барыня просила, плакала, давала ему 500 рублей, а он нет и все. Потом твой папенька стал уговаривать меня: «Это разве барин?

Человека проиграл. Да я тебя увезу в имение свое к своей старушке-матушке, ты только будешь присматривать за ней. Жить будешь с ней, 50 рублей буду платить тебе каждый месяц. Соберешь деньжат, человеком будешь независимым». Мне обидно стало, что барин играл на меня, а тут наш деревенский пришел, да и сказал, что отец умер, а через месяц и мама умерла. Говорит, адрес мой потеряли, а вот там сосед стал переходить в нашу избу временно пожить, стали уборку делать, да и нашли бумажку, прочитали, а это мой адрес в Москве, вот он и приехал сказать. Вот, я и согласилась поехать сюда. Я и расписку взяла у папеньки твоего, что он будет платить 50 рублей, а вот за что, он не написал, а я не грамотна. А как привез сюда, он так мамаше своей и объявил: «Это будет моя жена». Мне было 18 лет, а ему 32. Я против была, не хотела замуж идти. Так если бы один он крутил меня, я бы не пошла за него замуж, а то и мать его стала меня смущать, уговаривать. Я и согласилась. А как стала говорить ему, что надо под венец пойти, законной быть женой, а он, вот погоди да некогда. А как увидел, что я тобой беременна, он и укатил в Москву, вот так и живем.

– А деньги ты брала 50 рублей в месяц?

– Брала, покуда матушка его была жива, а как умерла, он и не стал мне платить. Говорит: «Я тебе платил за уход маменьки».

– А как же я?

– Ты совсем, Дашенька, другое дело, как ты родилась, твой

папенька приехал, сам понес тебя крестить в церковь, крестным взял какого-то офицера, сейчас он, говорит, генерал.

– А крестная кто?

– Крестная, дай Бог ей царствие небесное, нашего батюшки попадья. Он все оформил, как полагается, что ты его дочь и единственная наследница, только вот завещание никак тебе не дает.

– Даст, куда он денется.

– Давай-ка, доченька, я тебя наряжу.

Зачесав дочери волосы назад, мать стала плести косу. Коса вышла толстая, длинная, ох, какая красивая вышла коса. Мать взяла шелковую широкую ленту и на конец косы вплела, а потом сделала бант.

– Вот так хорошо, теперь можно платок одевать, а можно и так.

Потом мать пошла, у экономки взяла широкую ситцевую юбку и такую же кофту в талию. Надела на дочь, и Даша стала прямо деревенская девка, только лицо своей нежностью да руки белые и мягкие давали знать, что Даша не из простых.

– Ну вот, что-то похоже на деревенское, – сказала мать, – она, доченька, не знаю, как тебе сказать, девка всегда хочет выглядеть лучше, чем она есть, не знаю от природы это или от того, чтобы поймать себе побогаче жениха.

– Ну, ты, маменька, и скажешь, побогаче. Ну, вот я Матвея люблю, что он богатый?

– О нет, доченька, ты себя не ровняй, ты Матвея любишь

от повеления сердца, потому что ты богата и не думаешь о будущей своей судьбе, и все-таки ты его любишь за красоту его.

Даша посмотрела на мать и сказала:

– А Матвей говорит, что человек красивый, когда он умный и добрый.

– Это верно, ум и доброта красят человека, а красивого вдвойне.

– Мам, скажи, ведь правда Матвей похож на Иисуса Христа, а?

Мать перекрестилась и поглядела в угол, где стояла икона с изображением Иисуса Христа:

– Ох, доченька, можно ли так? Грешно.

Даша повторила:

– Ну, скажи, похожи?

– Отстань ты от меня с таким вопросом, сердито сказала мать, – Матвей похож сам на себя.

– Верно, маменька, – радостно сказала Даша, – Матвей еще лучше. Матвей выглядит как-то мужественно, такой, ну, сильный, а он, – Даша глянула на икону, – какой-то нежненький, слабенький, только и знает грозиться двумя пальцами.

Мать сердито посмотрела на дочь, подумала:

– Неужто Матвей ей все это вдалбливает, – подумала, но не сказала.

– Значит, папенька хотел избавиться от тебя, – снова начала Даша.

– Да, мерзавец, хотел, – грустно сказала мать и продолжала, – он даже подсылал этого Борова-управляющего, но я поняла, почему он пристает ко мне, да еще оставил на кухне бабу, чтобы следила за мной, если бы одна была, может и со-
вратили, но я очень боялась оставить тебя сиротой. А теперь, когда ты выросла, я плюю на них. Я сейчас за тебя, доченька, не боюсь, а вот за Матвея боюсь, как бы он из-за твоей прихоти не пострадал.

– Маменька, ведь я люблю, а чтобы и не любила хоть как, а Боров все равно бы насплетничал папеньке. Я же больше не могу сидеть в клетке, а Матвей по долгу службы должен меня учить верховой езде. Неужто, дядя Семен бы меня учил, а Матвей глядел.

– Да, оно так-то так, по-нашему с тобой, даже очень хорошо, что вы подружились, а вот как отец-то посчитает.

– Если отец умный, мы объясним ему, а если он него-
ддй, то тут ничего не поделаешь, придется пострадать. Я, ма-
менька, считаю так: лучше один день жить и радостно на-
слаждаться, чем долгую жизнь прожить в страдании, муках
и неволи.

– Это ты, доченька, так говоришь потому, что ты власть почувствовала, а они крепостные-то со дня рождения своего несут на своих плечах кабалу. Он, может быть, Матвей-то и глядеть на тебя не стал, если бы имел такую власть, как ты.

– Нет, маменька, я не могу сказать, что он любит меня, но в том, что он уважает меня, я уверена. Конечно, он намно-

го умнее меня и хитрее, за это я еще больше люблю его. Да будь оно проклято, это крепостное право вместе с царями!

Мать бросилась к Даше и ладонью зажала ей рот, потом отпустила, начала креститься и умолять Дашу:

– Дашенька, не Матвей ли тебя к этому подталкивает.

– Ты что, маменька, да разве Матвей-крепостной может сказать об этом барыне? Да разве ты не видишь, сколько я прочла книг? Хотя я, может, и балбес, но кое-что внимаю. В некоторых книгах мелькают слова умных людей, что крепостное право не только угнетает бесправием, а задерживает развитие человечества. Да я и сама теперь вижу, что это так. Вот, хотя бы Матвей, дай ему право учиться, он, может быть, ученым стал, такой ум, а сидит в нашей конюшне да твою Дашу учит верховой езде, да ниже пояса нам кланяется.

– Что правда, то правда, – сказала мать, – ну что мы с тобой сделаем?

– Вот в этом-то и наша беда, что никто не сопротивляется, а кому выгодно это крепостное право, он-то и пользуется.

– Вперед надо, доченька, научиться, как сопротивляться, а то будешь так сопротивляться, что останешься без завещания и будешь нищая.

Даша серьезно посмотрела на мать и подумала: «А мамка-то моя не дура, знает, что к чему». В это время вошла экономка и удивленно заговорила:

– Дашенька, свет ты наш, да ты в этой одежде выглядишь такой милой, – и пригласила обедать, а то все остынет.

– А Матвей, – сказала Даша, – пришел?

– Он уже пообедал. Я ждала, ждала вас, а вас все нет. А оказывается, вы тут наряжаетесь.

Пообедав, Даша вошла в свою комнату, села в мягкое кресло.

– Господи, как же долго идет время, – сказала она, – а вот, когда я нахожусь вдвоем с Матвеем, оно летит прямо незаметно.

Матвей, отворив дверь Дашиной комнаты, увидел сидящую в кресле Дашу, с упреком проговорил:

– Даша, ну что же ты сидишь, надо же идти.

И она нехотя встала. Матвей, увидев Дашу в простом одеянии, удивился, подумал, а потом, не удержавшись, проговорил:

– Да ты, Даша, в этой одежде выглядишь не хуже.

Даша улыбнулась, еще раз осмотрела себя. Взяв со стола свернутую шерстяную шаль, решительно пошла из комнаты. Матвей пошел за ней. Пройдя двор, Матвей отворил дверь калитки, сразу же за забором и конюшней с амбарами потянулся сад. Яблони и вишни уже начинали расцветать.

– Сад, Дашенька, занимает не меньше десятины, а видишь, садовник уже какой порядок навел.

За садом был участок для посадки разных овощей, тоже не менее десятины.

– Это огородом называется, – сказал Матвей. – А вон строение поперек всего огорода стоит – птичник, там куры, гуси,

индюшки.

Подойдя к строению, Матвей открыл калитку, и они вошли в большой двор, который разгорожен пополам, в одной половине ходили куры. Не успели осмотреться, как к ним подошла старушка. Узнав Матвея, она быстро заговорила:

– Ой, да никак это ты, Матвеюшка! Давненько ты к нам не заходил, – старушка притворилась, будто она барыню не узнала. – Никак барином стал, гляди-ка, как вырядился. А кто это с тобой? Не невеста ли твоя?

Матвей и Даша, глянув друг на друга, улыбнулись. Матвей громко спросил:

– Что-то, бабушка, птицы во дворе не видно.

– Да оно что, гуси еще сидят, все почитай, на гнездах, а кур пускать рано.

– А много у вас кур-то? – спросил Матвей.

– Да всегда велено пять-сто оставлять, так оно и есть.

– А сколько наседок посадили-то в этом году?

– И наседок всегда велено пять-десять сажать.

– Бабуль, а по сколько под каждую наседку яиц-то кладете?

– Всегда по пятнадцать штук, чтобы легче считалось управляющему, – сердито сказала бабка.

– Бабуль, ты никак сердишься на меня, что я тебя спрашиваю?

– Эх, Матвеюшка, разве я на тебя серчаю. Но как ведь мы стараемся, растим цыплят-то, как малых ребят. Выходим их,

а он, этот, как все его зовут, Боров осенью приедет с коробами да больше половины курочек, петушков, да гусей и индюшек погрузит и поехал. Ну, там для барина, это дело другое, он наш хозяин. А то какой-то там. Да что там, вор он, да и все тут.

– Да вы бы не давали ему, – вставил Матвей.

– Не дам, а плеть-то видел у него на руке, всегда висит, попробуй, не дай. Ведь, он всем завладел. Барин дома не живет, а барыня сама боится его, а молодая барыня еще дите. Вот он боров-то и лютует. Да разве он только птицу берет, все он берет, и овец, и коров, а уж свиней-то и вовсе, – бабка вроде одному Матвею сказала. – Говорят, Матвеюшка, этот Боров имение построил такое, все из жженого кирпича, дворец, говорят, и все. Все, говорят, построил на барина деньги. А нас с голоду заморил. Да ты и сам видишь, какие крепостные, как вроде все чахоточные, Господи, в чем только наши души держатся, – Матвей глянул на Дашу, она стояла бледная, ее как вроде бы трясла лихорадка.

Бабка, поняв, что довела барыню до зла, сразу же переключилась на другой разговор:

– Значит, – сказала бабка, – это твоя невеста, дай-ка я посмотрю.

Подойдя ближе к Даше, бабка перекрестилась:

– Господи, святая Мария, – упала на колени перед Дашей, – никак барыня Дашенька, прости, что я тут наболтала.

Даша подошла к бабке, поднимая ее, трясучим голосом

заговорила:

- Встань, бабушка, встань, милая, ты же правду сказала.
- Бабка, вставая с помощью Даши, крестилась и повторяла:
- Истинную правду, как пред Богом.
- Ну, хорошо, – сказала Даша, – Мы с Матвеюшкой нико-

му не скажем, да и ты помалкивай.

Даша спросила:

- А где вы кушаете?

– Да с общего котла, там, на скотском дворе, ай, хочешь посмотреть, сейчас будут варить ужин и завтрак, – сказала бабка.

Даша обратилась к Матвею:

– Ну что, по-моему, хватит смотреть свое хозяйство, а вот, что варят на ужин и завтрак надо глянуть.

– Гляньте, гляньте, милые, – сказала бабка, – он все норовит нас всех отравить, а мы ведь русские, живучие, все живем. Господи, – бабка опять перекрестилась, – если этими харчами накормить немца или француза, так два дня не проживут, как муха помрут. А вот мы живем.

Матвей и Даша попрощались с бабкой, пошли на скотный двор. Матвей подумал, как еще Даша отнесется к этому разговору с бабкой, заговорил, смягчая действия управляющего:

– Конечно, управляющий жулик большой, но хозяйство он содержит в исправности.

Даша перебила:

– В исправности, под палкой и бичом, ради своего обогащения готов всех в могилу загнать.

Они вошли в скотный двор. С противоположной стороны двора, под навесом в какой-то печи горели дрова, сверху тяги был вставлен большой котел, из которого шел пар и издавал тухлый, вонючий запах. У котла появилась повариха Фекла. Фекла, увидев Матвея и молодую барыню, пошла им навстречу. При встрече Фекла низко наклонилась, крестясь, прошептала:

– Милости просим, барыня.

Матвей, шутя, сказал:

– Тетя Фекла, да это же не барыня, а моя невеста.

Фекла сначала смутилась, виновато сказала:

– Оно невеста, может и правда, а вот, что барыня, я сразу узнала.

– Тетя Фекла, ты, что это варишь-то?

– Как что? Ужин да сразу завтрак.

– Кому?

– Как кому? Всем мужикам, бабам и детям – кто кормится у нас во дворе. А что? – переспросила Фекла.

– Да какой-то запах идет от котла нехороший, – сказал Матвей.

– Да капуста в кадушках задохнулась, вот и воняет.

– А ты всю капусту заложила в котел иль осталась еще?

– Есть еще на два дня.

– Ну-ка идем, покажи капусту, какая она у тебя там.

Фекла завела Матвея и Дашу в небольшой сарайчик, где воздух от прокисшей и тухлой капусты, да гнилой картошки был невыносим. Даша закрыла рот и вышла из сарайчика. Матвей подошел к кадушке, большим черпаком зацепил капусту и вынес на улицу.

– Смотри, Даша, капуста-то вся плеснивала, зеленая. Люди-то могут отравиться ее.

Фекла аж испугалась слов Матвея, стала говорить:

– Нет, не отравятся, мы уже две недели едим и ничего. Я сначала несколько раз помою, а потом в котел с водой, как вода покипит немного, я эту воду-зелень солью, а потом новой воды налью для варева, и ничего, никто не умер.

Даша стояла ни жива, ни мертва, лицо еще больше побледнело, тихо, но со злостью сказала:

– Хватит, Матвей, мне и этого знакомства с моим хозяйством, – повернулась и пошла со двора.

Матвей подошел к Фекле, почти шепотом сказал ей и пальцем погрозил:

– Смотри, никому не слова, что мы тут были. Поняла?

Фекла перекрестилась:

– Ни-ни, Матвеюшка.

Матвей догнал Дашу у калитки. Даша обернулась к Матвею лицом:

– Позор! Свинство! Хуже, чем скотину, кормим людей.

– Ты, Дашенька, подожди, успокойся, люди знают, кто в этом виноват.

– Ну, я знаю, ты сейчас скажешь, Боров виноват. А где я, а? Почему я до сих пор позволяю этому наглецу издеваться над людьми? Скажи, Матвей, ты хоть сколько-нибудь уважаешь меня, а?

– Что ты, Дашенька, да я хоть сейчас с тобой в Сибирь пойду.

– Я верю тебе, Матвей, помоги мне эту тварь наказать.

– Дашенька, да его разоблачить очень просто можно, что он вор и жулик.

– Ну, как скажи, Матвеюшка.

– Вот что, давай, Дашенька, на хоровод не пойдем, а поедем в Тулу к лавочнику, заберем у него книги учета. Лавочник учет точно вел. Боров ему воровать не давал ни копейки. По этим книгам мы точно узнаем, сколько получил Боров и сколько положил в кассу барина. Учет-то у писаря есть.

– А если писарь скажет Борову?

– Нет, не скажет, он, наоборот, будет помогать нам. А тебе, Дашенька, придется с писарем разок поговорить поласковее, тогда он и сам всю грязь выложит.

Даша улыбнулась.

– Хорошо, – сказала Даша, – поехали в Тулу к лавочнику. Пришли обратно к себе во двор.

– Ну, – Даша сказала, – запрягай самую сильную лошадь в пролетку, а я сейчас переоденусь.

Матвей быстрым шагом пошел в конюшню. Не сказав Семену, вывел серую кобылу, надел хомут и уже запрягал ло-

шадь в пролетку, когда подошел Семен:

– Это вы куда собрались?

– Да так, барыня хочет прокатиться, – сказал Матвей.

Семен подозрительно посмотрел на Матвея и ушел в конюшню. Через некоторое время из дома выбежала Даша легко одетая. Матвей посмотрел на нее, спросил:

– Это так и поедешь?

– Да, – ответила она.

– Нет, Дашенька, обратно будем ехать ночью, холодно так.

И Матвей увидел экономку, которая несла легкое с собо-
линым воротником пальто и шерстяную шаль.

– Ну вот, это дело другое, – сказал Матвей.

Даша уже сидела в ходке. Матвей взял у экономки одежду, аккуратно свернул и положил рядом с Дашей. Даша засмеялась, смотря на Матвея, сказала:

– А ты, где сядешь? Кобыле на хвост?

– Нет, Дашенька, придется рядом с тобой, да поплотней.

Матвей поднял сверток и сел рядом с Дашей, а сверток положил себе на колени. Экономка отворила ворота, и они поехали. Проехав немного, Даша правой рукой обняла Матвея за талию:

– Вот так удобней. Ну и тело у тебя, Матвей, тугое, как дерево.

– А что, – сказал он, – может быть, вернемся?

– Нет уж, Матвеюшка, я согласна все боли перенести от тебя...

– Ну, договаривай, Дашенька, что ты замолчала, а, – сказал Матвей.

Но Даша молчала. Они выехали на большую дорогу, ведущую в г. Тула, и Матвей тронул лошадь, та пошла быстрой рысью. Даша прижалась к телу Матвея, тихо сказала:

– Вот так бы, Матвеюшка, я бы ехала и ехала с тобою рядом без конца.

– И куда мы с тобой приехали? – спросил он.

– Не знаю, Матвеюшка, но мне так хочется все время рядом быть с тобой. А ты песни умеешь петь? – спросила Даша.

Матвей глянул в Дашины сияющие глаза, улыбнулся, ответил:

– Умею.

– Спой, а, Матвей.

– Спеть, говоришь? Ну, слушай.

Матвей запел озорно звонко, как поют пьяные:

– Когда б имел золотые горы, реки, полные вина, все отдал бы за ласки, взоры, и ты, Даша, владела мной одна.

– Матвей, скажи мне, только честно, почему, чем больше я прилагаю усилий быть ближе к тебе, тем больше ты удаляешься от меня, делаешься осторожней?

– Дашенька, слишком мы молоды, а перед нами такая пропасть, что мы не в состоянии ее перепрыгнуть. Вот как только мы с тобой повзрослеем, возмужаем, поумнеем, только тогда можно решить эту труднейшую задачу. Правда, мы уже взрослые, но мы еще настолько зеленые, даже, если попро-

бовать на вкус, то будем кислые.

– А мне кажется, что я уже переспела, и боюсь, как бы все это не перегорело, – грустно сказала Даша.

– Нет, Дашенька, мы начинаем только первые делать шаги в своей жизни. А жизнь длинная, большая, и нам многому надо учиться. Вот мы сейчас вдвоем, давай будем говорить без всяких намеков, согласна? – Матвей спросил у Даши.

– Конечно, говори.

– Ну, хотя бы объясни, что такое любовь, а?

Даша подумала. Потом сказала:

– Ну, я, правда, точно выразить не могу, но я убедилась, что я тебя люблю давно. Я мучилась долго, молилась на коленях перед иконой Иисуса Христа, чтобы выкинуть тебя из головы, но чем больше я молилась, чем больше я просила, тем больше ты занимал мои мозги и душу. Теперь, когда я с тобой, я никого не замечаю, и время летит так быстро и радостно. Но как только я остаюсь одна, так одна мысль – встретиться бы с тобой быстрее, один ты только и царствуешь в моих мозгах и сердце. Обыкновенно девушки скромничают перед парнями. Пожилые предупреждают девушку. Я, например, с тобой куда угодно и когда угодно тебе, туда и пойду. Да и не только это, я на что угодно соглашусь с тобой. Вот, я так понимаю свою любовь.

– Мне кажется, это пройдет у тебя, Дашенька.

– Ну, почему вы все вроде бы хотите, чтобы у меня все это прошло?

– Да потому, Дашенька, ты кроме меня из ребят никого не видела. А вот повзрослеешь, знаешь, сколько к вам, вроде бы невзначай, будут заезжать, осматривать тебя.

Даша еще крепче прижалась к Матвею.

– Ты знаешь, Матвеюшка, этот пес-боров завтра пообещал маменьке приехать к нам с женой и двумя сыновьями, знакомить своих отпрысков со мною, ну, я их встречу, – Даша эти слова сказала так презрительно, – Матвей посмотрел Даше в лицо. – Да ты не беспокойся, я дам им ответ.

– Нет, ты уж, Дашенька, по-хорошему, раз мы начнем дело делать, так надо до конца довести.

– Мы и доведем, – подтвердила она.

Они всю дорогу говорили, позабыв обо всем. Лошадь шла ровно и быстро, они не заметили, как подъехали к окраине города.

– Ой, – крикнула Даша, – уже город.

Проехав несколько перекрестков, улиц, Матвей свернул к одним из ворот лавки. Как отворял ворота, увидел бегущего им навстречу лавочника. Лавочник торопился к пролетке, где сидела Даша. Лавочник, задыхаясь, торопливо говорил:

– Господи, да какими судьбами вас Бог послал к нам? – беря лошадь под уздцы, повел во двор дома-лавки. – Матвеюшка, милый, распрягай, а я барыню отведу.

– Да нет, подожди, дядя Ваня, распрягать лошадь не надо, мы сейчас поедем домой.

– На ночь-то глядя вы поедете? – спросил отупевший ла-

вочник.

Даша, улыбаясь, сказала:

– Надо ехать домой. Мы по делу, дядя Ваня, именно к тебе.

– Ко мне, – растерянно сказал лавочник.

– Именно к тебе, дядя Ваня.

– Ну что ж, прошу.

– Дядя Ваня, нам ведь надо с тобой поговорить по секрету, и чтобы ты нам кое-что показал.

– Понимаю, понимаю, – смущенно проговорил лавочник.

Лавочник завел Дашу и Матвея в маленькую комнатку, вроде конторки, поставил два стула:

– Прошу, – сказал он.

Даша села на стул и придвинулась к столу. Лавочник переспросил Дашу:

– Государыня вы наша, правда-ль, что вы сейчас же уедете?

– Да-да, дядя Ваня, как можно скорее.

– Я сейчас скажу своим бабам, чтобы не канителились и не мешали нам, – лавочник быстро вернулся и озабоченно спросил. – Ну-с, чем могу вам, барыня, быть полезным?

Даша прямо спросила:

– Вы ведете учет, что вам привозят для продажи продукты, выручку?

– Да, барыня, до одной копейки.

– А где эти книги? – спросила Даша.

– Пожалуйста, – сказал лавочник и добавил, – за какой год?

– А с того времени, как вы здесь работаете.

– Я работаю уже 20 лет.

– Вот, за 20 лет и покажите нам эти книги.

Лавочник открыл дверцу большого шкафа, и Даша увидела толстые журналы учета прихода и расхода. Лавочник вынул одну книгу-журнал, развернул корки и положил перед Дашей.

– Я понял, что вам надо. Смотри, Дашенька, – и лавочник все по порядку разъяснил Даше, а затем спросил. – Вам, что подсчитать, сколько мною выручено и сколько сдано денег за год, а то у меня отчет за месяц.

– Да нет, я хочу забрать книги и сама хочу подсчитать.

Лавочник с любопытством смотрел на Дашу.

– А ведь неделю тому назад, – сказал лавочник, – он просил меня отдать эти журналы учета ему.

– Кто это он? – спросила Даша.

– Да кто? Управляющий, – сказал лавочник.

Даша встала:

– Неужто почувствовал своим собачьим носом?

– Да он с год как почувствовал, все пугал меня вами, барыня.

– Дядь Вань, я эти журналы возьму. Хочешь так отдайте, а хочешь – я вам расписку напишу?

– Дашенька, государыня моя, да я разве против, я чист,

как зеркало. Возьмите, это вам документ хоть куда, там, ведь, и его распись за каждый взятый, т.е. полученный от меня рубль.

– Ну, поторопитесь. Книги-журналы в мешок, – сказал Матвей.

В два куля уложили книги, потом уложили в пролетку. Даша и Матвей сели на книги и хотели было отъехать, но лавочник сказал:

– Минуточку, – и бегом побежал в комнату, и почти тут же выбежал с ружьем, – вот вам на всякий случай.

И сунул еще несколько патронов. Матвей поблагодарил лавочника и тронул лошадь. Выехав из города на прямую дорогу, лошадь прибавила рысь, как будто поняла, что нужно торопиться домой. Тарантас резче затрясло, и Даша ухватилась обеими руками за туловище Матвея, сильно прижалась своим телом к нему. Нет, не потому, что она теперь этого хотела, а потому, что ей неудобно было сидеть на этих папках, которые лежали в мешках. Матвей и Даша ехали молча, каждый думал о своем. Только Матвей иной раз спрашивал Дашу, не холодно ли ей. Даша сильнее прижималась к Матвею, тихо, еле слышно отвечала:

– Нет. А тебе не холодно?

– Нет, – говорил он да, шутя, добавил, – Ты же греешь меня.

Домой приехали, как им обоим казалось, быстро. Подъезжая к воротам дома, Матвей и Даша увидели в потемках три

человеческих силуэта. Это стояли барыня, экономка и Семен, ждали и гадали, куда подевались Даша и Матвей. Подъехали к воротам, барыня бросилась к тарантасу и запричитала, как можно так долго ездить без спроса.

– Успокойся, маменька, – сказала с усмешкой Даша, – вот, смотри, я жива и совсем невредима.

Матвей прыгнул на землю с тарантаса, уверенно сказал:

– Дядя Семен, отведите лошадь, а я вот эти два мешочка отнесу барыне Даше в комнату.

Матвей помог Даше сойти с тарантаса. Даша став на землю, держась о материнское плечо, сказала:

– Ой, как ноги отекли, прямо совсем не могу ими шевелить.

Матвей, взяв мешки в разные руки, пошел в дом. Экономка шла за ним. Матвей даже не обернулся назад, идет Даша или нет. Матвей, глядя на экономку тетю Шуру, тихо, вежливо сказал:

– Теть Шура, ты ничего не видела, ничего не знаешь, иди милая, спи спокойно, у нас все в порядке.

Она озабоченно посмотрела в лицо Матвею, ничего подозрительного не увидела, ушла к себе в комнату. Вскоре вошли в комнату мать и дочь. Матвей, увидев лицо барыни, слишком озабоченное, как-то смирно, уверенно сказал:

– Барыня, ничего такого дурного мы с Дашей не сделали, а проверить – это дело не плохое. Даже барин и то одобрит наше дело, но покуда надо держать в тайне. А то может ока-

заться, отчет в порядке.

Даша перекрестилась:

– Вот, голова моя с плеч, если он сто, а то и больше украл.

Барыня то на Дашу, то на Матвея смотрела испуганными глазами. Матвей подошел к барыне и, как провинившийся сын, тихо, но убедительно сказал:

– Барыня, матушка моя, идите в свою комнату, успокойтесь, а нам с Дашей надо поговорить.

Барыня виновато посмотрела на Матвея:

– Ну-ну ладно, посоветуйтесь.

Даша с любопытством смотрела то на Матвея, то на мать. Потом подошла к матери, поцеловав ее в обе щеки, обняла:

– Идем, маменька, нам, правда, надо теперь с ним договориться, что дальше делать.

Даша, проводив мать в ее комнату, сказала:

– Mam, я к тебе скоро зайду, как провожу Матвея.

Даша вернулась в комнату, Матвей сидел в кресле задумчивый. Не успели еще и слова сказать, как в комнату вошла экономка с накрытым подносом, заговорила:

– Да вы же голодные, покушайте, а что не скушаете, пусть стоит до утра.

– Спасибо тебе, тетя Шура, – сказала Даша.

Экономка ушла. Матвей тревожно заговорил

– Дело мы, Дашенька, с тобой начали очень щекотливое, и я прямо скажу, Дашенька, опасное. За долгую службу управляющим, он хапнул очень много у барина, а эти бума-

ги дают возможность разоблачить его. Поэтому нам с тобой надо как можно быстрее увериться в его воровстве и изолировать Борова, не дать возможности до приезда твоего папеньки ему что-то сделать в свое оправдание. Завтра, как ты говоришь, придет Боров к тебе со своей семьей смотрины тебе делать. Так ты скажешь маменьке, что ты заболела и не можешь выйти. А мы с тобой отдохнем и с утра пораньше засядем за эти бумаги. Тебе, Дашенька, придется прямо сейчас пожить в комнате с маменькой, а я, покуда Борова не спрячешь ты в амбар, поживу в твоей комнате. Ты понимаешь, если Боров узнает, что эти бумаги здесь, то он пойдет на все, чтобы завладеть ими.

– Матвеюшка, делай все, как ты считаешь нужно, я буду на все твои решения отвечать согласием, я тебе мешать не стану, а буду помогать.

– Вот и хорошо, давай, и правда, покушаем, Дашенька.

Покушав, Даша ушла в комнату матери, а Матвей остался в комнате Даши, закрыл дверь изнутри. Вскоре кто-то тихо постучал. Матвей подошел к двери, тихо спросил:

– Кто?

– Я, – ответил Семен.

Матвей отворил дверь и в комнату вошел Семен. При свете свечи он увидел ружье, лежащее на столе. Матвею пришлось все рассказать подробно дяде Семену. Семен внимательно выслушал Матвея. Долго ходил по комнате Даши грустный, задумчивый, то глаза поднимал вверх, то опускал

вниз, то разводил руками. Потом тихо сказал Матвею:

– На черта это тебе все нужно, сколько этот ворюга украл. Ну, какая тебе разница, кто больше пользуется трудом крепостных, управляющий или барин – оба же они жулики и мошенники.

– Неужели тебе, дядя Семен, не понятно. Барина я никак наказать не могу, какой бы он ни был мошенник. А этого жулика мы можем законно наказать до приезда барина.

– Дело-то слишком опасное, – сказал дядя Семен. – Ну ладно, ложись, спи, а я покараулю, а то тебе завтра работать надо с этим ворохом бумаг, – сказал Семен.

– А где ложиться-то? – спросил Матвей.

– Где-где, вон койка-то, привыкай к барской постели.

Даша с матерью в эту ночь долго не спали, хотя и лежали в постели вместе, обнявшись, как было это раньше, когда Даша лежала своей головой на груди у матери, быстро засыпала. Теперь же Даша не могла уснуть, ей хотелось рассказать все свои чувства матери, относящиеся к Матвею. Восхваляла Матвеев ум, красоту, совесть и такую притягательную силу, что готова пойти на все, чтобы овладеть Матвеем, чтобы он был только ее.

– Маменька, почему ты молчишь, не возражаешь и не одобряешь?

– А что тут, доченька, говорить, я же вижу, ты действительно любишь его.

– А он, маменька, как ты думаешь?

– Никак, доченька, не разберусь. Или он, если не любит, то уважает тебя, или хуже всего, это он делает потому, что боится тебя. Мне очень жаль Матвея, боюсь за него, погубишь ты, доченька, его.

Даша слезливым голосом сказала:

– Не говори мне, маменька, больше так.

В это время, когда Матвей с Дашей ехали в г. Тула к лавочнику за книгами учета, господин управляющий ехал домой и думал:

– Нет, липовая барыня, я завтра со своей семьей на смотрины твоей доченьки не приеду, ты еще попляшешь у меня со своей дочкой. Я теперь за эти 100 тысяч золотом да за 50 тысяч бумажками не таких себе снох куплю, – управляющий вспомнил свои расписки, которые подписывал в журналах учета. – Надо бы их взять у этого лавочника, – потом подумал. – Да кто может об этом догадаться? Барин что ли, куда ему пьянице. Ну, приедет, я ему раз 5 тысчонок, и он рад будет, опять в Москву махнет.

На второй день, как только стало в комнате светло, Матвей проснулся, вскочил с постели, увидел дремлющего Семена, сидячего в кресле:

– Дядь Семен, иди, отдыхай, а я начну книги-журналы разбирать.

Вошла экономка, поздоровавшись, стала со стола убирать посуду.

– Теть Шура, разбуди, пожалуйста, Дашу.

– Хорошо, Матвеюшка, разбужу, – и она вышла.

Семен ушел в конюшню. Матвей взял один журнал и на корке прочитал: «Учет поступающего товара и отчет денежных средств за 1803 год». Год за годом Матвей складывал на стол журналы, и последний журнал был за 1822 год.

– Так, значит, – сказал Матвей, – сейчас идет 1823 год. Этот журнал у лавочника, он его никому не даст.

Матвей не стал перечитывать, сколько поступило товаров-продуктов к лавочнику, а стал смотреть расписки, даденные управляющим в получении суммы у лавочника. Оказалось, деньги получал только сам управляющий. Матвей подумал:

– Да это же так легко можно посчитать, какую сумму получил за год управляющий у лавочника.

Матвей, переворачивая лист за листом журнала, записывал указанные суммы денег в расписках на отдельный лист. Матвею показалось, что он так быстро перелистал журнал, и на отдельном листе увидел свою запись – столбец цифр. Он стал эти цифры складывать, получилось число 48850 рублей.

– Что это такое, не понятно, неужели это выручка только за один год?

Матвей еще раз пролистал листы журнала и сверился, правильно ли он записал.

– Нет, все верно, нигде не ошибся. Так значит, 48 тысяч 850 рублей было получено управляющим от лавочника за 1822 год.

Матвей подумал:

– А за 10 лет управляющий почти полмиллиона получил. Это такие деньги.

И Матвей, не веря себе, стал озабоченно ходить по комнате. Как в комнату вошла Даша, Матвей не слышал. Матвей, ходя по комнате, думал об одном и том же:

– Зачем это мне нужно, какая мне разница, кто владеет этим богатством, управляющий или барин. Верно, мне сказал дядя Семен. Кто бы этим богатством ни владел, а я, Матвей, как есть крепостной, так и буду.

Даша подошла к Матвею, уцепившись обеими руками за плечи Матвея, стала испуганно смотреть в глаза Матвея:

– Что с тобой, Матвей?

Матвей уставился в глаза Даши, потом обеими руками взял Дашу за талию, не сознавая, что делает, заговорил:

– Дашенька, я даже испугался, когда просчитал одну книгу учета за 1822 год. Боров украл, по моим подсчетам, примерно более 30 тысяч.

Услышав это от Матвея, Даша как-то сразу изменилась в лице:

– А ты не ошибся, Матвеюшка?

– Нет, Даша, я дважды проверял, и все то же получается.

Даша подумала, Матвей хочет бросить эту затею. «Нет, – подумала она, – что бы ни стоило мне, надо Матвея заставить довести дело это до конца».

– Матвеюшка, – ласково проговорила она, – ты устал, ми-

лый мой, идем ко мне в уборную. Вот, умывайся, а я пойду, скажу, чтобы завтрак принесли нам. Хорошо, а?

— Ладно, — сказал он.

Даша быстро вошла в комнату матери и повелительно заговорила:

— Мама, если ты поможешь мне, то я, твоя дочь Даша, через несколько дней буду самая богатая невеста из семей помещиков всея Руси великой. Да, да, я не шучу. Я прошу тебя, нет, я требую от тебя, запомни, мама, с этой вот минуты, ты должна никого, кроме тети Шуры, которая будет нам с Матвеем приносить обеды, повторяю никого, даже к двери не подпуская ни днем, ни ночью. Сейчас не спрашивай меня, что и почему. Поняла? — грозно спросила Даша.

Мать только и сказала:

— Да.

— Ну, вот и хорошо, а сейчас пойдешь, распорядись, пусть тетя Шура несет нам завтрак. Ни о чем плохом, мама, не думай, все будет хорошо.

Даша крепко обняла мать и почти бегом побежала в свою комнату. Вскочив в комнату, Даша увидела, Матвей вытирал полотенцем все свое тело до пояса. Рубашка лежала на кресле. Даша подскочила к рубашке, взяла ее и тут уже в ход пошла женская хитрость и мудрость:

— Ой, Матвеюшка, да она у тебя уже грязная. Я сейчас чистую принесу, — вместе с рубашкой она выскочила из комнаты. Вскоре Даша, как по-щучьему велению, вошла в комна-

ту. – Вот, Матвеюшка, тут все, иди в мою гардеробную, переоденься.

Матвей, как заколдованный, выполнял все требования Даши. Он взял все, что было в руках Даши, пошел, переоделся в гардеробной, посмотрелся в зеркало, на нем было все новое. Он вошел в комнату и увидел, что на столе уже стоял завтрак. Даша от стола пошла навстречу Матвею:

– Ну, вот так тебе свободнее, а то в комнате в той одежде тяжело, идем, уже давно пора завтракать. Сегодня ведь воскресенье, – сказала Даша, – а давай, Матвей, по одному глоточку коньяка выпьем для аппетита, а?

– Ты что, Даша, пьяными в таких бумагах и цифрах возиться будем, это мы с тобой так насчитаем, да и сегодня, ты говорила, Боров приедет.

– Приедет и уедет. Я приказала никого к дверям моей комнаты не пускать, мы можем, Матвеюшка, тут, что угодно и как угодно, и сколько угодно жить.

– Нам нужно это скоро сделать, – сказал Матвей.

Они быстро позавтракали. Даша все, что было на столе для завтрака, сложила на поднос, закрыла полотенцем и поставила вдали от стола на кресло. Матвей и Даша принялись за дело. Матвей брал журналы по порядку годов:

– Мы, Дашенька, только за 10 лет: с 1822 года, который я уже подсчитал, и назад до 1812 года. Ой, Дашенька, год-то какой знаменательный, как раз в этот год Наполеончик хотел нажраться русским хлебом, да чуть с голоду не подох,

еле ноги уволок. Хотя и говорят, что коварный и хитрый лев был, а вот в наш город Тулу струсил войти.

Матвей листал журналы, говорил Даше месяц, число и сумму расписки, помечал ее, а Даша писала, потом вместе считали общую сумму за год. Работали они уже молча и усердно. До обеда они просчитали 5 учетных журналов. Даша встала, потянулась и сказала:

– Обед, Матвеюшка.

– Обед, так обед, – проговорил он.

Даша открыла дверь и унесла поднос, быстро вернулась в свою комнату:

– Сейчас тетя Шура принесет обед.

Вскоре постучали в дверь. Даша подбежала к двери и спросила:

– Кто?

– Я, – слышался голос экономки.

Даша отворила дверь, и тетя Шура вошла с подносом:

– Вот вам, милые мои, и обед.

– Теть Шур, Боров не приехал?

– Нет, – ответила экономка.

Даша и Матвей сели за стол и стали уплетать, проголодавшись, как вроде бы только что стога сметали. Экономка любопытно смотрела то на Матвея, то на Дашу. Даша заметила любопытство экономки и весело, озорно сказала:

– А что, теть Шур, хороша бы была пара, а?

– Хороша-то хороша пара, слов нет, но..., – экономка за-

молчала.

– Ну, говори, говори, – сказала Даша, – у экономки навернулись слезы, и она концом фартука стала тереть глаза. – Ну, тетя Шур, так не годиться, портить нам настроение. Если мы все будем себя так вести, то это будет только на руку Борову.

Быстро отобедав, Матвей встал, перекрестился:

– Спасибо тебе, барыня, и тебе, тетя Шура, большое спасибо.

Даша улыбнулась, ответила:

– На здоровье, Матвей.

– Ну, – сказал Матвей, – за работу.

– Тетя Шур, все это унеси, а яблочек нам принеси.

– Хорошо, Дашенька, я сейчас принесу, – и экономка ушла с подносом.

Даша потянулась:

– Ой, Матвеюшка, после обеда отдохнуть бы.

– Нет, Дашенька, за работу. Я же это не для себя, а чтобы ты, Дашенька, была счастлива.

– Я, Матвей, для тебя буду делать все, чтобы ты тоже был счастлив, хочешь, я сейчас тебе дам клятву, вот перед Иисусом Христом, – Даша перекрестилась.

– Ну, что ты, я и так верю тебе.

И они обратно взялись за дело. Экономка принесла яблоки и ушла. Но яблоки, оказалось, некогда было кушать, они работали снова так усердно, что не заметили, как стало темнеть, закончив последний журнал, Даша сказала:

– Ну вот, а общий итог после ужина.

Убрали со стола журналы, остались одни листы, исписанные цифрами с итогами за каждый год. Даша взяла самое лучшее яблоко, подала Матвею.

– Ешь, – сказала она.

Потом себе взяла. Яблоко хрустнуло во рту Даши:

– Пойду, чтобы ужин несли, – Даша вышла, вскоре вернулась. – Сейчас будет ужин. Матвей, а Боров не приехал, он, гадюка, все маменьку пугает.

– Скоро отмучается, – грустно сказал Матвей.

Даша всем сердцем чувствовала, что Матвея что-то пугает.

– Господи, помоги мне, хоть пока удержать Матвея возле себя, – подумала Даша, – как он мне сейчас нужен.

– Нет, Дашенька, смелее, смелее действуй, – подсказывала мысль ее.

И Даша повеселела. Постучали в дверь, Даша отворила и в комнату вошла тетя Шура и барыня. Экономка поставила на стол поднос с ужином, спросила:

– Дашенька, я нужна?

– О, нет, – сказала Даша. – Маменька, ну а ты зачем пришла, ну ей-богу, как маленькие, от вашего поведения прямо стыдно становится, – чтобы сгладить грубые слова, Даша через силу засмеялась, подошла к рядом стоящей матери и экономке, поцеловав мать, потом экономку. – Милые вы мои, как нам хорошо с вами, ну, поверьте нам, что мы взрос-

лые люди, – и Даша тепло, во всю правду засмеялась. Взяв их под руки, повела к двери и шепотом им сказала. – Теперь идите и спите спокойно до утра, и нас не беспокойте, у нас еще работы очень много, – проводив их, Даша сначала дверь закрыла на ключ, потом на засов. Зная, что экономка и мать стоят у двери, нарочито громко сказала. – Матвеюшка, ночь начинается, ружье-то поставь поближе.

Мать и экономка, услышав Дашины слова, поглядели друг на друга, крестясь, проговорили:

– Господи, спаси их души.

Даша зажгла свечи, быстро с Матвеем перекусили и опять за дело. Теперь их интересовало, какая получится сумма украденных, присвоенных управляющим. Долго вычитали, сколько получил барин, сколько уплачено за сенокос, за уборку хлебов и другие работы вольнонаемных, как будто все учли, хотя грубо, но грубый подсчет вели по-честному, в пользу управляющего. И все-таки присвоенная сумма выходила за 10 лет 300000 с лишним.

– Это грубый подсчет в пользу управляющего, а если мы возьмем расходные книги и сравним, то уверяю тебя, Дашенька, что управляющий присвоил себе гораздо больше.

– А что теперь делать, Матвеюшка? – спросила Даша.

– Надо немедленно его арестовать.

– Как?

– А вот так, – сказал Матвей, – завтра начнется посевная и он будет там, на посевной. Забрать его при крепостных,

они помогут, и в амбар его.

— Это мне нет смысла, мне хотя бы половину выжать у него.

— Вот, когда он будет в амбаре, и жми с него. Я уверен, не выдержит, отдаст не только половину, а все. Если ты его не арестуешь, да, не дай Бог, узнает, что книги учета у тебя, он ведь с тобой чикаться не будет. Ведь вся его жизнь прошла ради этого капитала. Ты, Дашенька, это должна понять.

— А имею право его арестовать?

— Да как же нет, ведь он ваш крепостной. Ведь ты его арестуешь не за эти присвоенные деньги, а за какой-нибудь пустяк, скажем, за тухлые щи. И пороть ты его можешь за эти щи, сколько угодно, пока не подойдет. Он сам поймет, что к чему, крепостной, он и есть крепостной.

— Нет, Матвей, крепостные разные, он-то ядовитый змей. И ты вот, крепостной, а я должна, обязана тебя вознаградить. Я только не знаю, чем тебя вознагражу. Хорошо, Матвеюшка, до утра, об этом больше ни слова, отдых, а размышление потом.

Утром Матвей проснулся, когда давно уже было светло. Матвей встал с дивана и посмотрел на койку, где спала Даша. Одеяло было спущено на пол и плечи открыты. Матвей на цыпочках подошел к кровати, осторожно поправил одеяло и еще осторожней прикрыл Дашины голые плечи одеялом. Даша открыла глаза, увидев стоящего Матвея, улыбнулась и опять закрыла глаза. Матвей подумал:

– Это она сонная открыла глаза. Господи, – подумал Матвей, – все-таки природа несправедлива. Кому-то жизнь дает счастливую, красивую и душою доброю. А кого-то сварганит, аж смотреть противно, да еще вдобавок наградит такой лютостью, только одно зло в нем.

И почему-то Матвей сравнил Дашу с управляющим. Матвей услышал тихий стук в дверь. Он на цыпочках подошел к двери и шепотом спросил:

– Кто?

– Это я, Матвей, – Матвей узнал слабый голос барыни.

Он осторожно открыл дверь и тихо сказал барыне:

– Доброе утро, барыня, – и поклонился ей.

Барыня посмотрела в лицо Матвея и ничего подозрительного не обнаружила, тоже шепотом спросила:

– А Даша спит?

– Спит, – ответил Матвей.

Даша, озорно смеясь:

– Ха-ха. Я сплю, нет, друзья мои, я не сплю, а комнату свою стерегу, чтобы Матвея не украли.

Матвей подошел к Даше, улыбаясь, сказал:

– Вставай, засоня, уже скоро обед, а вы все в постели.

– Матвей! – громко спросила Даша. – Как ночевал?

– Хорошо, Дашенька, спасибо.

– Ну, Матвеюшка, давай продолжим начатое, умывайся в моем туалете, одевайся и в столовую. А мы, маменька, пока зайдем к тебе.

Мать и дочь оставили Матвея, а сами пошли к матери в комнату. Придя к матери в комнату, мать со слезами на глазах стала рассказывать дочери:

– Боров был у меня. Пристал ко мне, где твоя дочка? Говорю, в своей комнате, спит, наверное. А где ваш Матвей. Не знаю, говорю. А не знаешь, а я знаю, на постели твою дочь покрывает, внучат тебе крепостных делает. Вот ведь наглец до чего дошел. Идем, говорит, открывай комнату своей потаскухи и все. Я сначала по-хорошему, клеветают, говорю ему. А он одно и то же, идем, проверим и все. Так спасибо Семену, проходил по коридору, я его позвала, так он его вытолкал.

Даша стояла бледная, ее все тело тряслось:

– Маменька, сегодня все встанет на свое место, потерпи, родная. Мою честь никто ложью не запачкает.

Матвей, проходя мимо двери комнаты барыни, увидел в открытую дверь Дашу и барыню. Сказал:

– Дашенька, я готов.

– Идем, маменька.

– Ладно, потом поговорим.

Даша быстро умылась в туалетной матери и пошла в столовую. Покушав с Матвеем:

– Ты, Матвей, иди, седлай коней, а я сейчас переоденусь.

– Хорошо, я быстро все приготовлю, – сказал Матвей и почти бегом выскочил из дома.

Оседлав коней, он их вывел из конюшни. Даша уже бежа-

ла к нему, одетая в костюм для верховой езды.

– Матвей, отцовская плеть где-то у вас в комнате.

– Сейчас, на, поддержи коней, я сбегаяю.

Матвей бегом побежал за плетью, зашел в свою комнату, увидел дядю Семена сердитым. Матвей поздоровался с ним, тот только посмотрел на него. Матвей схватил плеть и выскочил из комнатки, подумал:

– Потом поговорим.

Подбежал к Даше, отдал ей плеть. Даша осмотрела увесистую плеть и надела ремешок, висевший на черенке, себе на правую руку. Попробовала, один раз секанула плетью по воздуху. От резкого движения руки плеть, разрезая воздух, как-то с визгом просвистела. Даша подумала:

– Ничего режет.

Матвей Даше помог сесть в седло, потом сам вскочил и тронулся в путь. Дорогой Даша рассказала Матвею, как Боров пытался ворваться к ним в комнату.

– Ну, эта и продажная шкура.

– Кто? – спросил Матвей.

– Да это противное создание – Лукерья, всю свою жизнь шпионила у нас на кухне. Это она ему все наплела. Ну, я ей этого не прощу.

Подъезжая к стану, Даша и Матвей увидели, как повари-ха Маланья копошится у большого котла, подогреваемый огнем. Они подъехали к коновязи, Матвей спрыгнул с коня, привязал своего серого и подошел к Даше, помог ей сойти

с коня, и тоже привязал к коновязи. Даша увидела коляску управляющего. Впряженная лошадь в коляску, была привязана к отдельному вкопанному столбу. Не дойдя метров 10 до кипящего котла, Матвей и Даша почуяли тот же запах, который был на скотном дворе.

– Вот ведь негодяй, все давит этой гнилой капустой. А я маменьке говорила, чтобы выкинули эту капусту, и маменька ему говорила, а он все равно.

Даша и Матвей не стали повариху тревожить. Увидев длинный стол, Даша посреди стола села на длинную скамью.

– Где же управляющий? – спросила она Матвея.

– Да вон, видишь, стоят три мужика и он там. Вон, – Матвей показал, где вспашка полей.

– Как сделать лучше, – сказала Даша.

– Ты, Даша, сиди здесь, а я пойду, позову его сюда, а когда он придет, ты Маланью заставь налить щей в чашку и заставляй его есть. Он, конечно, не будет есть, ну, тут ты ему и вопри, а потом дело само собой пойдет, да я мужикам моргну, чтобы они подошли.

– Хорошо, – уныло сказала Даша.

Матвей подошел к мужикам, где был управляющий, давал последние распоряжения. Матвей поздоровался со всеми, подождал, когда управляющий отдаст распоряжения, и только управляющий хотел было уйти, Матвей сказал:

– Господин управляющий, вас барыня звала.

Управляющий вроде бы только сейчас увидел Матвея,

с издевательской усмешкой заговорил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.